

Ирху

Любимая – за границу

**Конспирация в работах
А.С. Пушкина и Н.В. Гоголя**

Научно-популярный очерк

Белореченск - Майкоп
2013 год

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие.....	
1. Предыстория	
2. Исповедь Бориса	
3. По следам конспиративной деятельности.....	
4. Расширенная хронология событий.....	
5. Приложение. Словарь выделенных слов	

Предисловие

Вначале сделаю замечание. **ЧЕМ БОЛЬШЕ КОНКРЕТИКИ В ТРАКТОВКЕ ПРОИСХОЖДЕНИЯ НЕКОТОРЫХ СЛОВ, ГЛАВНЫМ ОБРАЗОМ, РУССКОГО, МОНГОЛЬСКОГО И НЕМЕЦКОГО ЯЗЫКОВ, ТЕМ ЖЁСТЧЕ РАМКИ ДЛЯ ФАНТАЗИЙ ПИСАТЕЛЯ, ТЕМ ПРАВДОПОДОБНЕЕ ВЫСТРАИВАЮТСЯ ИСТОРИЧЕСКИЕ СОБЫТИЯ ПРОШЛОГО, ТЕМ ИНТЕРЕСНЕЕ СТАНОВИТСЯ ПОВЕСТЬ. А ВОТ ДОВЕРИЕ ЧИТАТЕЛЕЙ К БЕЗАЛЬТЕРНАТИВНОМУ ИЗЛОЖЕНИЮ ИСТОРИИ, К СОЖАЛЕНИЮ ПАДАЕТ.**

Очерк обращает внимание читателей на неизвестные факты в биографии классиков русской литературы и на затемнённые страницы нашей Истории. Он будет полезен преподавателям русского языка, отечественной литературы, а также преподавателям истории России в качестве методического пособия. Несомненно, будет востребован также студентами и старшеклассниками для углубления знаний в выше упомянутых областях.

Конспирацией будем считать любое действие или умолчание, с целью заведомого введения читателя в заблуждение, независимо от цели конспирации.

К конспиративным произведениям Александра Сергеевича исследователями отнесено лишь его послание декабристам: «Во глубине сибирских руд ...». Но конспирация поэту не удалась, и поэт был изобличен. Некоторые произведения А.С. Пушкина содержат явные признаки конспирации, о них сейчас и поговорим. Например, стихотворения *Анчар* и *Калмычке*: для кого конкретно они написаны и по какому случаю? Это остаётся загадкой для всех, включая пушкиноведов, что вполне объяснимо – конспирация. А есть и поэма *Руслан и Людмила*, принёсшая славу А.С. Пушкину, как поэту. В ней конспиративным является название *Лукоморье*, вблизи которого, предположительно, был найден клад с летописными мифами XIII века, написанными кириллицей на монгольском языке, что дало возможность заключить: «...там русский дух, там Русью пахнет!».

Несколько мифов из этого клада стали источником народных сказок народов Дании и севера Германии. Братья Гримм собрали фольклор, переработали его и опубликовали в 1822 году на немецком языке более 150 сказок. Опять же никто не знает, почему только несколько сказок из двухтомника заинтересовали А.С. Пушкина и он не только перевёл, но и художественно их переработал. Это будет очевидным, если писателя интересовали только те сказки, которые перекликались с содержанием мифов из бумажного «клада» Лукоморья. Именно эти сказки, применительно к русскому читателю, опубликовал А.С. Пушкин без ссылок на братьев Гримм, собирателей фольклора, поскольку поэт обладал первоисточником.

Почему нельзя было обойтись без конспирации? Дело в том, что при публикациях всегда указывается первоисточник, если он существует. А рукописи XIII века были в 1717 г. были объявлены собственностью Российской Империи

Александр Бековичем Черкасским, и он написал и вручил яицким казакам Охранную Грамоту.

А.С. Пушкин находился на Государственной службе и не имел права даже держать у себя такие документы без уведомления Государя или Государыни. С другой стороны он не мог отказать татарскому князю в просьбе дать оценку этим документам. Татарский князь не торопился расстаться с архивными мифами – у него были свои мысли о реализации клада.

Начав *секретную* работу над архивом, поэту нужно было поступать так, чтобы ни в какой ситуации не выплыло наружу, прямо или косвенно, его знакомство с содержанием этого архива. Были ли подобные конспирации единичными в эпоху Александра Сергеевича? Нет. В столице существовало множество тайных обществ различной ориентации, для которых конспирация была основой их существования.

При написании этой работы, автор выделил полужирным курсивом слова и выражения, на которые найден им верный ответ. Полужирный стиль без курсива – слова монгольского происхождения.

В качестве примера, попробуем рассекретить стихотворение *Анчар*. Не название стихотворения, и не описание дерева – здесь конспирацией не пахнет, да и пушкиноведами всё установлено в достаточно правдивой мере – а обличительную фразу «*И человека человек послал к анчару...*».

Если о существовании **анара** (*анчара*) было известно *Руслану* (Борису), то такие секретные сведения могли храниться на царском дворе и какой-нибудь *человек*, обладающий властью, мог послать *человека* на поиски анчара.

Куда? Конечно туда, где течёт река *Ангара*, то есть в Восточную Сибирь. С помощью кнута это сделать было невозможно, только с помощью пряника:

– Тебе присвоим самое высокое учёное звание, а твоё имя увековечим – его присвоим *анчару*.

А.С. Пушкину не составило труда узнать, что в предыдущем веке два человека, *академики Санкт-Петербургской Академии, немцы Гмелин, дядя и племянник, выезжали в долгосрочные экспедиции в Восточную Сибирь. Оба прожили недолго – зная отравились, бедолаги.* По причине конспирации, А.С. Пушкин не мог написать: «Но Гмелина *человек* послал к анчару...»

Вы скажите, что написанное мной – плод моей фантазии. Простите, но всё, что касается академиков Гмелин можно найти в «Советском Энциклопедическом словаре», а в книге «Вайдурья - онбо» – трактат индо-тибетской медицины», Новосибирск 1984 г. изд. «НАУКА» чёрным по белому написано: «Дерево *арнаг* называется по латыни ... **ГМЕЛИНА**». А на странице 29 говорится, что упомянутое «сырьё, худшее по качеству, т.е. по лечебным свойствам, которое тоже может быть использовано для производства лекарств, при отсутствии лучшего». Замечу, что *арнаг* – это шифровка слова *ангар(а)*.

Надо сказать, что Академия была создана Петром I, только для того, чтобы Россия была похожа на Европу. Академиков назначал Государь по ходатайству вельмож, высокого ранга. Статус у академиков был чрезвычайно низким, хотя их и поставили на довольствие, дабы они не рыскали по базарам. Академия функционировала по его разработанному уставу, медленно, но неуклонно обзаводясь всевозможными привилегиями.

Так, что написанное мной, не фантазия, а реальность. Чтобы окончательно закрыть тему Анчар, выскажу пару предположений:

1. Ветки Восточносибирского ядовитого дерева (?) до сих пор поступают на кухню Тибетской медицины взамен веток *анчара*, доставлявшихся на Тибет с острова Ява по длинной цепочке арабских посредников.

2. Экспедиции Гмелинов и публикацию результатов исследований, а также посылку «грозным взглядом» произвёл достаточно богатый калмыцкий князь, к которому обратились калмыцкие ламы с соответствующей просьбой, исходящей от Тибета. А богатый князь ходатайствовал перед Государем о присвоении немцам Гмелин звания академика.

Предыстория

Автором археологических рукописей был монгол Джучи, проживавший в *Улусе* Джучи, Северо-западный Казахстан, *Казахстан Батыя*. Там он и умер в конце 1226 – начале 1227 года. После смерти Джучи, Лукоморье надолго стало *вотчиной* татарского хана Батыя, для которого монгол Джучи был дядькой *Черномором*. В прямом родстве Джучи с Батыем не состоял, но Джучи потечески опекал малыша Бату, особенно после того, как отец Батыя, хан Субдэй, оставил сына на попечительство своего друга, а сам отправился за тысячи километров на завоевание никому неведомого *Китая*.

Исповедь Бориса

В начале сентября 1217 года я подъехал к псарне, где, как мне сообщили жители Сарай Шыка, проживает Джучи. Псарня оказалась мрачным и громоздким помещением складского типа, с узкими щелями вместо окон и огромной дверью, закрывавшейся на запор. Я узнал пристанище, в котором прожил пару зимних месяцев около трёх лет тому назад. В то, не так далёкое время, наша дружба подверглась испытанию на прочность, и мы не раз становились соперниками в различных ситуациях, но так и не перешли грань, после которой, о дружбе можно было позабыть. На меня нахлынули воспоминания в новом свете, более понятном, чем тогда...

Виной всему оказался любовный треугольник Джучи – Угуль-Гаймиш – я. Если опустить нюансы, то можно сказать, что Джучи полюбил Угуль, она влюбилась в меня, а я не стремился породниться с татаркой, хотя и не противился её чарам.

Всё началось с *ультиматума* старого татарского князя *Попу Ивану*, захватившему в *заложники* Субдэя, старшего сына старого князя. (Несколько в ином свете эту историю изложил путешественник *Марко Поло*, как «похищение Золотого царя»). Следующим заложником стал я, почему и подружился с Субдэем, и даже называл его *Золотко*.

В своём ультиматуме князь, с татарской решимостью, потребовал в трёхмесячный срок освободить его сына – в противном случае *колония* преступников будет уничтожена. *Поп Иван* оказался хитрее – он приказал одному из своих слуг подложить парламентёру в мешочек для сбора *иван-чая* веточку *анчара* до того как кончится обсуждение ультиматума.

Через месяц старый князь умер, а тело его почернело. Одни в Сарай Шыке говорили, что князя отравили, а другие утверждали, что небеса наказали князя за

грехи. Отравилась и жена Субдэя, *Гаймиш* (Гоготунья), готовившая чай для князя. Так малыш Бату лишился матери. По татарскому укладу младшая сестра заменяет старшую – к ней переходит имя, возраст и обязанности старшей сестры. Младшая сестра прихватила и материнство относительно Бату, будучи старше Бату лишь на 9 лет. Чтобы люди не судачили о годовом несоответствии, она утаила от окружения, и смерть старшей сестры, и своё имя и свой возраст. Конечно, у сестры Гаймиш были отец и мать, но, с момента трагедии, их дочь прекратила навещать своих родителей. Те, поняв причину отчуждения дочери, не разглашали сведений о своих детях, то есть *крепко держали язык за зубами*.

Вся эта история с отравлением проходила в то время, когда Субдэй выполнял поручение Попа Ивана выкрасть сына Бортэ и доставить его ему в качестве заложника. По ошибке выкрали меня, а не Константина – Субдэй плохо выучил монгольский язык и принял слово *Борис* за монгольское.

Вскоре молодой *хан* Субдэй исчез из Сарай Шыка, не оставив никаких распоряжений ни относительно Ханства, ни относительно новой жены *Гаймиш*, ни относительно сынишки *Батаа*.

Над Бату объявили регентство, Ханство передали монголу Джучи, «сыну самого Чингисхана», а молоденькая Гаймиш заявила, что есть свидетели того, что её муж Субдэй, перед отъездом, передал её мне. Свидетели нашлись, и *Угуль* - Гаймиш приобрела то, о чём начала мечтать.

Джучи, как потом выяснилось, пожаловался своей матери Бортэ, та попросила мужа поговорить со мной. Чингисхан сначала одарил меня *вотчиной* – посёлок Дружный в Калмыкии. Я решил, что дарёному *коню* в зубы не смотрят и свою вотчину назвал Дружный – я в одночасье стал славянским князем, и мой брат Юрий в том же году одолжил мне часть своей дружины. Потом последовало недельное возвращение из Дружного в Сарай Шык наедине с Чингисханом. Он в дороге осторожно высказал свою просьбу «не отвечать взаимностью татарке *Угуль*, поскольку на неё *положил глаз* Джучи». Едва смысл монгольской фразы дошёл до моего мозга, как я выпалил на русском:

– Она мне и *на дух* не нужна!

Чингиз по интонации понял, что и подарок и просьба пришлись мне по душе.

У меня не было секретов от друзей и фразу «Она мне и *на дух* не нужна» повторил в присутствии Джучи и *Угуль*-Гаймиш. Джучи тут же сообщил, что в языке его отца есть слово *дөх*, имеющее смысл: близко подходить, приближаться (монгольское слово *дөх* и сегодня имеет тот же смысл!). Получилось, что я дал клятву Чингисхану, не делать навстречу любимой ни одного шага!

Угуль, как татарка, тоже не могла первой вешаться на мужика, но речь шла о светлом времени суток. А кто мог запретить ей по ночам проникать в комнату друзей, забираться в мою кровать и под одеялом вести беседу как превратить меня в Киевского князя Бориса? И как мог я, Борис, закрыть прелестный ротик красавицы? Только *хайрлах* – занятие любовью. Но она успокаивалась только до следующей ночи.

Джучи, долго не думая, попросил меня передать ему Угуль в жёны по старому татарскому обычаю. Благо подвернулся удобный случай – речь зашла об организации подношения моему отцу Великому Владимирскому князю Всеволоду Большое Гнездо:

– В качестве подношения Владимирскому князю, Чингиз сказал, что подойдёт стадо скота. Скот может заинтересовать свободную рабочую силу, если

она имеется. Такой вот оригинальный способ вербовки он мне предложил. Насчёт средств он не заикался; полагаю, что он имел в виду драгоценные камни, – и я вопросительно взглянул на ханшу.

– За то, что Чингиз не потребовал камешки назад, ему спасибо, – ответствовала Гаймиш, – Они в хозяйстве пригодятся, а со стадом скота проблем не вижу. Можно взять у моего народа каждую десятую скотину. Получится внушительное стадо. Да и запасы мяса во дворце надо пополнить.

– Как это ты собираешься сделать? – вмешался Джучи, – До ежегодного побора ещё несколько месяцев. Да и новый побор больно велик.

– Некоторые мои подданные контактируют с Попом Иваном. Они говорят, что тот будет строить в славянских землях крепость для Чингисхана. Я скажу людям, что *Попу Ивану* нужен скот, и что он распорядился собрать такой налог (сведение почерпнуто из книги *Марко Поло*). Поданные пригонят сюда много скота, и я из него заберу столько, сколько надо для дворца, потом Борис погонит стадо к своему шефу. Тот тоже возьмёт, сколько тому надо, оставшегося скота хватит и Владимирскому князю и на оплату пастухам.

– Ты же поссоришь *Попа Ивана* с твоими людьми. А мой шеф, знаешь, какой жадный – он всё возьмёт себе. Может пару баранов и даст на еду, чтобы я с голоду не сдох, – забраковал я предложение *подруги*.

– За кого ты переживаешь! За *Попа Ивана*? – набросилась на меня *Русалка*, – Да будет тебе известно – твой *Поп Иван* начал прибираться к рукам моё ханство! Он себя уже *царём* по секрету объявляет! Был бы у меня решительный муж, а не размазня Субдэй – такого бы не было!

– Или переживаешь за себя, что мало тебе скота достанется? Сначала посчитай: сколько пригонят голов, отними пару десятков овец для своей любимой, отдай своему шефу дюжину овец. Больше не давай. Если дашь две дюжины, то овцы сожрут всю траву в *Сайхине*, а потом подохнут, потому что песок они не едят! В пустыне и дюжину овец прокормить проблема. Это тебе не верблюды, которые могут обойтись колючим кустарником. Если захочешь дать мне бычка, то больше одного мне не надо – мясо хранить негде. Прошлогодняя солонина ещё стоит в бочках, а сушить как монголы, я не научилась. Как вы от *мух* защищаете мясо? – последний вопрос был адресован Джучи.

– Не знаю, этим у нас в семье занимались женщины. Я не интересовался.

– Кстати, где мой Субдэй? – ханша уставилась на Джучи, – Ты же вызывал его к Чингисхану. Куда вы послали теперь уже бывшего моего мужа?

– Я не присутствовал при их разговоре, – ответил Джучи, – Субдэй взял моего коня. Полагаю, что твоего мужа мой отец взял к себе на службу. Он просил меня вызвать хана *Угэдэя*, то есть *Чужсака*, а не хана Субдэя.

– А какую должность может предложить твой отец моему мужу, – спросила Угуль-Гаймиш. Этот вопрос, похоже, интересовал её больше, чем потеря мужа.

– Мой отец не распоряжается должностями. Для этого есть *хурал*, собрание уважаемых людей, – заявил Джучи.

– Как? Великий Чингисхан не назначает на должности? Не может быть! – изумилась татарка Гаймиш.

– Подумаешь, у нас тоже есть Новгородская Земля, где князь не раздаёт должности. Это делает вече – собрание достойных людей. В этой Земле княжит мой брат, – с гордостью заявил я, – А хотите знать, что мне ещё предстоит сделать?

– Нет! – отрезала *Русалка*, – Что у тебя нет более важной темы для разговора? Его любимую бросает муж, а ему хоть бы *хны!*

– А что я должен делать? Я ваших обычаев не знаю.

– Скажи лучше, на кого в этот раз оставил Субдэй свою жену? – потребовала Гаймиш.

– А если он мне ничего не говорил и не собирался говорить? – ответил я ей вопросом на вопрос.

– Если *младший брат* мужа не сообщит мне его волю, то волю пропавшего Субдэя объявит его *закадычный друг* Борис. Меня спрашивать никто не будет!

– А какие права у *закадычного друга*?

– Если друг мужа решит взять меня, то он подойдёт и скажет: «Хан Субдэй велел взять тебя в жёны». Если не хочет взять меня в жёны, то найдёт кого-нибудь другого, получит от того согласие, а потом возьмёт меня за руку, подведёт к этому человеку и скажет ему: «Хан Субдэй доверил тебе Гаймиш. Будь ей мужем».

Я, недолго думая, схватил за руку *Русалку*, стащил её с *табуретки*, и потянул её к Джучи. Ханша вырвалась и села на своё место:

– Сначала договорись с ним. Может он не хочет брать меня в жёны. И помни: порядки во дворце будут либо русские, если ты меня возьмёшь, либо монгольские, если монгол меня возьмёт. За пределами дворца – татарские законы.

Подошёл к Джучи:

– Уважь просьбу Субдэя, он опять решил *сбагрить* тебе свою жену.

– *Сайн* (хорошо), – просто сказал Джучи.

Подвёл Гаймиш к Джучи:

– Мой друг Субдэй доверяет тебе Гаймиш. Берёшь её в жёны?

– *Зөвшөөрөв* (согласен), – ответил монгол.

Русалка села на колени к Джучи и заворковала:

– *Чи миний хар хүн эхнэрээ хэдний нэрийг хэлнэ* (Как ты будешь называть свою жену муженёк?).

– *Угүль*, – ласково ответил Джучи.

– *Чи хэдний настай вээ* (сколько тебе лет?).

– *Хорин зургаантай* (полных двадцать шесть).

– А теперь, Джучи, спроси меня: «*Чи хэдний настай вээ*».

Монгол окаменел. За время жизни в Сарай Шыке он так привык к татарским порядкам, что кое-что позабыл из *уклада* кочевников.

– Что с ним? – спросил я.

– Он воды в рот набрал, – объяснила Угүль.

– Я серьёзно. Мне тоже интересно, сколько тебе лет – ты на взгляд молода для матери Батыя.

– Если серьёзно, то спроси у него или у Чингисхана – ответила ханша и добавила: – Может у них неприлично интересоваться возрастом женщины.

– А откуда Чингиз знает твой возраст?

– Чингисхан всё знает! – уверенно заявила Угүль.

Джучи молчал.

– Да ну вас, – и я махнул рукой, – лучше пойду, погуляю перед сном на свежем воздухе. А вы занимайтесь делами молодожёнов.

– Пстой, – остановила ханша, – помоги Джучи переставить его кровать в спальню моего мужа. Ты в гостиной останешься один, и нам больше не придётся договариваться под одеялом.

Долго бродил возле дворца, переживая потерю любимой женщины. Уже ночью я вернулся в гостиную и, не раздеваясь, рухнул на свою кровать:

– Ты что – *очумел*? – закричала Угуль, вылезая из-под меня, – Зажги свечу.

– Тише ты, а то всех на ноги подынешь, – сказал шепотом.

– Я здесь хозяйка, – не понижая голоса, напомнила ханша, – У меня к тебе дело, а ты гуляешь допоздна – выспаться не успеем.

– Какое может быть дело у молодой жены, когда муж спит? – полюбопытствовал я.

– Завтра утром посылаю слуг с приглашением на свадьбу, – не обращая внимания на мой намёк, заговорила Русалка, – Тебе тоже надо на ней быть. Хорошо обдумай: где, когда и что говорил тебе хан Субдэй, и на каком языке.

– Ясно, на особом. Я татарского языка не понимаю. Субдэй уехал – остаются ты и Джучи. Так что выбирайте, кто из вас будет переводить мои слова с особого языка на татарский.

– У тебя в роду все такие глупые? – поинтересовалась ханша.

– Действительно, зачем он выбрал меня, если вы были рядом с ним? Может, Субдэй другому, а не мне говорил? – поинтересовался я с надеждой.

– Мы с Джучи рассмотрели много вариантов. И тоже решили, что Субдэй не мог через тебя передавать свою волю. Он не такой глупый. Есть во дворце пара слуг *Попа Ивана*, которых ты знаешь по своему пленению. Они сносно говорят по-татарски. О тебе отзываются хорошо, и они согласны помочь. Договорись с ними завтра утром – после обеда будет уже поздно.

– С удовольствием побеседую с ними. А теперь мне нужно раздеться – хочу спать.

– Я тоже хочу спать, – сказала Русалка и начала раздеваться.

– Не пойму я тебя. Тебе что, мужа мало?

– Причём тут муж? Я хочу от тебя ребёночка, – ласково сказала Угуль.

– Может, скажешь, что и твой муж этого хочет? – спросил я ехидно.

– Оставь моего мужа в покое! Он, конечно, не самый красивый, но Джучи умнее всех нас вместе взятых! – в сердцах заявила Угуль и добавила:

– Если не хочешь сейчас меня, так и скажи – приду завтра.

Чтобы выполнить обещание не приближаться к Угуль, мне пришлось просить Чингисхана проводить меня в мою вотчину Дружный – только Чингисхан знал как, с помощью *избушки на курьих ножках без окон и дверей*, преодолеть пустыню *Рын Пески*. Видел эту избушку и не один раз – она действительно стояла в пустыне на куриных деревянных ножищах. Кто и откуда приволок деревья в пустыню для постройки затейливой избушки?

Думаете, татарка успокоилась? Отнюдь! Она знала обходную дорогу к Волге и стала приезжать в Дружный, переправляясь в плавь через Волгу с вечно сопливым Батыем. Нашла предлог: учитель и во время летних *каникул* должен учить ученика русскому языку.

У влюбленной парочки выработался и свой, близкий к русскому и монгольскому язык. После застолья с медовухой, расхрабренный учитель строго вопрошал гостью, заикаясь:

– *Ман-дрык* хочешь?

Но и подвыпившая Русалка помнила, где *базар* бедный, а где богатый:

– **Бидний базар явна**, – указывая пальцем в ошибочном направлении, заявляла гостья.

– Пойдём посмотрим, *бедный он* или *богатый*, – возмущался я, вытаскивая гостью из-за стола, – Он здесь недалеко. А вы сидите – мы скоро вернёмся.

Иногда она была основательно под градусом и «соглашалась»:

– Угу (нет).

Я, раздосадованный «согласием», обращался к ближайшему дружиннику:

– Ты меня уважаешь?

– Уважаю, – отвечал тот.

– Тогда уважь!

И посылал дружинника за очередной порцией медовухи.

А когда я погнал стадо к своему отцу, то и тут Людмила выкинула номер, да ещё и какой!

Угуль не могла смириться с поражением на дипломатическом фронте и, подговорив обоих *сановников*, исчезла из Сарай Шыка, оставив малолетнего хана Батыя на своего нового мужа Джучи. По следам стада она нашла меня – я был в удручённом состоянии.

– Людмила! – только и смог выговорить, ущипнув себя для надёжности – вдруг она мне померещилась.

Людмила взяла инициативу в свои руки. Она сказала, что ей начальники Бориса – не указ. Она приехала, чтобы сделать своего Бориса Киевским князем – он этого достоин! На всё остальное наплевать! Высказывалась она на сносном русском языке, который усердно учила, готовя себя к роли преданного слуги своего *кумира*. Чего только любовь не делает с людьми!

Русалка поручила мне срочно найти славянских пастухов и гнать стадо во Владимир, пока не наступили холода. Скот подарить отцу и сообщить ему, чтобы ехал в Киев, где будут короновать меня. Отец пусть возьмёт с собой корону. Из неё, правда, вытащены драгоценные камни, но после небольшого ремонта, символ царской власти Киевских князей будет готов к употреблению.

– Может у тебя и невеста есть на примете, – спросила Угуль, – Ты какое-то женское имя прошептал, когда меня увидел – говори – организуем свадьбу.

– Людмила. Это имя я придумал для тебя, и ты это знаешь.

– А место мне найдётся при твоём дворе? – спросила с надеждой татарка.

– Киевские князья щедрые. Назови своё желание – обещаю исполнить любой твой каприз, – юмор всегда был при мне.

Ханша задумалась:

– Хочу быть твоей дочерью *Людмилой Борисовной*, – то ли в шутку, то ли в серьёз заявила Угуль, которая знала, что у нас, в отличие от монгол, в ходу обращение по имени-отчеству.

Сама Людмила с четырьмя татарами решила поехать на разведку в Киев и ознакомиться с ситуацией на месте. После разведки она планировала отправить этих *сановников* в Сарай Шык, чтобы те привели вооружённый отряд татар для поддержки Бориса в борьбе с конкурентами, о которых я прожужжал ей все уши. Отряд уже был сформирован и ждал только своих командиров.

А в это время хан Джучил решал проблему возврата своей жены. Он незамедлительно послал гонца за своим отцом. Сам он не мог уехать, так как на руках был четырёхлетний приёмный сын Батый. Хотя отец и торопился оказать

помощь сыну, но прошла неделя, прежде чем появился Чингиз. Джучи был в гневе:

– Папа, твой славянский компаньон разрушает мою семью!

– Обвинения потом, сначала скажи, кто что сделал, – попросил отец. Джучи ввёл своего отца в суть семейного конфликта.

– Судя по твоим словам, порядки в твоей семье монгольские.

– Да, – подтвердил Джучи.

– Тогда надо выслушать главу семьи, а потом других его членов.

– Папа, ты уже выслушал главу семьи.

– Ты в этом уверен? – в упор спросил Чингиз, который знал, что Джучи женился на женщине *формально* старше его.

– Папа, посиди с внуком. Я привезу тебе главу моей семьи.

– Посижу, а ты бери моего *черномора* (чёрного коня) и скачи в *Мухор*. Там тебя ждут *звардейцы* – они уже во всеоружии. Сколько татар ушло с Борисом?

– Пять, – ответил сын.

– Бери всех *витязей*. Шестикратного преимущества вполне достаточно, чтобы не применять силу, – распорядился Чингиз.

Много было разных историй. Наконец Чингисхан-Хит, *наперекор* Бортэ, потребовал от Джучил, чтобы тот спаивал меня.

– Наливай за дружбу, – радостно восклицал я, потирая озябшие руки.

Так началось спаивание навязанное Хитом. Оба бывших друга в своих разговорах пытались не затрагивать острых проблем, не интересоваться «чужими делами». Джучи говорил, о том, что писала его мать, только то, что касалось меня. Я же топил в самогоне свои возможности, невостребованные обществом.

Много философствовали по отвлечённым темам, таким как «где расположен *ад*, и кто в нём находится», Земля – *шар* или зелёная», «к чему примыкает *край* плоской Земли» и др. Каждый говорил своё и не мог понять собеседника.

Мой организм оказался «не подготовленным» к обильным возлияниям, и уже через месяц у Джучи возникла проблема, как спасти от деградации уникальную личность друга.

Помощь пришла от Угуль. Она пожелала приобрести меня в качестве *раба*. Регенты Батыя много не запросили. После оплаты *соболиными* шкурами коня, саней, тулупа и двухнедельного пропитания трёх мужиков, посыльные Угуль посадили раба в сани, предварительно заправив самогоном и, укутав его в тулуп. На санях вдоль берега реки Тобол, а потом по льду Оби отправили далеко на Север, сначала в *таежный* посёлок *Алтай*, а затем в верховья затерянной речки *Кума*, где *кумекали кумовья Гаймиш* – гусиный народ.

В трескучие январские морозы 1215 года, *Угуль* встретила своего старого возлюбленного, плохо соображавшего раба, на льду речки *Кума*, притока Оби. В крошечном таёжном посёлке *Алтай*, затерянном среди бескрайних лесов и болот бассейна реки Оби, царил сухой закон, установленный по указанию Угуль - Гаймиш. Ласки Угуль-Гаймиш-Людмилы оказались действенным лекарством, и я снова почувствовал *рай в шалаше*, потерянный на Кавказской реке *Кума*. Проснувшись поздно, я каждое утро начинал с поиска Людмилы, боясь повторения истории с её исчезновением.

Мои отношения с любовницей сместились в сторону обслуживания хозяйки дома, иными словами я стал примаком. Всю зиму выполнял мужские обязанности по дому, как регулярные: топка печи, принос воды, вынос помоев, кормление

скота и птицы, уборка навоза и др., так и периодические: колка дров, топка бани и расчистка двора от снега.

Чтобы коротать с Угуль долгие зимние вечера, вырезал *шашки* и обучил её игре. В долгих беседах Угуль поведала мне о своём народе, о его укладе, о богатствах *тайги*, о способах добычи *соболя* и о многом другом, исключая вопрос о своей родословной и обходя вопрос *властных полномочий*. Она рассчитывала на то, что я увижу много общего её *Орды* с Владимирским княжеством и решу, что попал в затерянное в лесах и болотах татарское княжество, а Угуль – дочь татарского князя. Отношение местного населения к Угуль-Гаймиш мало отличалось от отношения славянских крестьян к правящей княгине. Но мне было безразлично – я вообще не любил разговоры на эти темы. А вскоре доставили туда и моего друга.

Гаймиш, с разрешения *кумовьев* приобрела Джучи в качестве раба. В конце февраля 1215 года она решилась на отчаянный поступок. Людмила, оставив раба Бориса под приглядом подданных, появилась в Сарай Шике и, опираясь на оставшихся своих сторонников, произвела дворцовый переворот, вновь став ханшей на пару дней. Над Бату, вместо трёх регентов, был провозглашён один – *Гидеон*, её главная опора в её *Орде*. Не встречаясь с Бату, Угуль помчалась к своему мужу Джучи:

– Десять минут на сборы, – вместо приветствия выпалила жена.

– Не рано ли командовать? Я ведь твой муж, – удивился муж.

– У нас мало времени. Надо быстро скрыться, пока во дворце не спохватились.

– Я так не думаю, дорогая, – возразил муж, – Послушай меня.

– Раз ты начала командовать – значит, у тебя появилось на это право. Но ты, по мнению жителей Сарая, *ведьма*, которую сжёг на костре Борис в присутствии свидетелей. Тебе нельзя появляться не только во дворце, но и здесь – за мной неусыпно следят. Следят и за теми, кто сюда приходит без вельможи Батаа, хозяина Ханского Дворца.

– Ты, рискуя жизнью, хочешь забрать меня к себе, сметая на пути все преграды. Ты уже забрала Бориса и даже не сообщаем, обморозился он или нет во время поездки в таёжные *тартарары* (от этого русского слова образовано слово *татары*, славяне их называли *таты*, или *супостаты*). Скорее всего, нет – его основательно заправили и укутали. Тебе Бориса явно не хватает – он ещё не вылез из-под одеяла. И ты ради своего удовольствия затеяла опасную игру.

– Последствия своей затеи ты хорошо просчитала – твоя *Орда* попадает в долговую кабалу к Сарай Шике, а процветанию Сарай-Шика придёт скоро конец без моего здесь присутствия.

– Но Опекун Батыя обещал тебя заменить, – не удержалась от комментария Угуль.

– Замены сыну Чингисхана нет и быть не может. Я являюсь гарантом торговых договорённостей между поставщиками товаров и покупателями. Когда слух о моём исчезновении распространится среди поставщиков, то никто не поедет сюда, чтобы не потерять свой товар вместе с головой.

– Делаю вывод: Нам не надо спешить, и можно заняться любовью, – Тулуп можешь не снимать для экономии времени.

– Я всегда считала тебя самым умным среди моих *нохэд*! – проворковала Угуль, бросаясь в объятия мужа.

С прибытием Джучи в Гусь-Орду, проблема любовного треугольника разрешилась сама собой, и наступили хорошие времена – два раба в шашки каждый вечер разыгрывали свою госпожу! При *ничьей* (ремиз), она сама выбирала мужа.

Но нелёгкая принесла *Бортэ*, наряженную Снежной королевой, которая назвала меня *Каем* от библейского Каина, убившего своего брата. А Угуль-Гаймиш стала *Гердой*.

Снежная королева, Бортэ, вывезла меня на своём летучем корабле и в районе Новгорода столкнула с саней за *борт*. А теперь я вернулся...

Как выяснилось, после моего вывоза на родину, Джучи вернулся в Сарай Шык, так как татары потребовали вернуть им регента Батыя. Но положение монгола в татарском ханстве сильно пошатнулось – у Джучи начались проблемы с выплатой договорного налога, вызванные вмешательством Чингисхана в отлаженный механизм товарообмена.

Возникли всем известные, но своеобразно истолкованные, проблемы между Джучи и Чингизом с одной стороны и между Джучи и братьями Субдэя с другой. Братья по *триумvirату* вынуждены были обратить свой взор на «добрых старых соседей» *кыпчаков*, которые по Соглашению «Сентябрь 1214 года» были объявлены друзьями, и их стали отлавливать в единое *войско*, а вековое соперничество по вопросу о принадлежности Степи было разрешено в историческом плане.

Из писем своего сына, *Бортээ* многое узнала о Борисе и об *Угуль*. У матери сложились устойчивые взгляды на них и несколько изменились взгляды на собственного сына.

Молодая, богатая, общительная, воспитанная в хороших манерах и не по годам сообразительная, татарка была желанной невесткой, и Бортэ стала в письмах называть её *Гердой*. Так Бортээ заочно полюбила Угуль.

Любовников своих невесток, матери обычно не жалуют, какими бы положительными чертами характера те не обладали. Тем не менее, требование Чингисхана усиленно спаивать Бориса, ей казалось чрезмерным, и поэтому она заканчивала письма словом *Яна* (и да, и нет).

Желание у матери было одно – убрать меня, Кая, как можно дальше от её сына Джучи и, разумеется, от невестки Герды (Угуль) тоже.

На заочную любовь своей свекрови, Угуль заочно ответила взаимностью. Мысленно она стала называть Бортэ мамой.

Джучи недолго был третьим регентом малолетнего хана Бату. Вскоре он скатился до должности воспитателя Бату, поскольку заниматься делами ханства ему не позволяли татары, вернувшие себе власть в Сарай Шыке. И Джучи поселился в здании, которое он называл *ангаром* (складское помещение) и которое превратил в псарню.

В феврале 1218 года собаки не лаяли, Я слез с коня и осторожно приблизился к двери. Дверь была полуоткрыта, и в проёме, при слабом дневном освещении, вырисовывалась могучая спина монгола, который что-то мастерил или писал. Хотя я перегородил значительную часть проёма двери, но Джучи продолжал увлечённо работать. Решил подкрасться сзади:

– Закрой дверь – сквозит!

– Так ты встречаешь друга? – удивился я холодному приёму, – Может мне уехать?

– Присаживайся, раз приехал, – сейчас закончу предложение и пообедаем.

– Чем будет меня угощать мой друг? – этот вопрос больше всего меня волновал – съестные припасы кончились на третьи сутки поездки, а последние десять дней пришлось питался лесными дарами, которые пощадили снегири и прочие птицы, не улетевшие на юг.

– *Собачатину* ешь?

– Собачатину, так собочатину. Можно и собачатину.

– А что ты пишешь? Письмо? Отцу или матери? – по своей привычке, я сыпал вопросами не дожидаясь ответа на них.

– Я пишу летопись, – чеканя каждое слово, заявил Джучи, продолжая писать. Он был монголом и должен был ответить сначала на последний вопрос, но предпочёл подробно ответить на вопрос, который ему не задавался:

– Меня хан Батый, по моей подсказке, назначил *придворным* летописцем.

В то время у татар вообще не могло быть летописцев из-за проблем с письменностью.

– Пишу обо всём. Это пока черновик. Потом буду переписывать.

Больших проблем с письменными принадлежностями у него не было – пару лет назад Чингиз завёз в достаточном количестве и *цаас* (бумагу) и *харандаа* (карандаши).

– А какое слово ты сейчас пишешь?

– *Собачатина*. Скажи – в этом слове есть буква «о»?

– Вторая буква.

А об *аде* ты уже написал? – заинтересовался Борис.

– Выпьем самогона, закусим собачатиной, выспимся, а утром покажу тебе один из *адов* и скажу *пароль*, для въезда в ад. Вечером вернёмся из ада и отметим успешное возвращение. Идёт?

– Нет, едет, – возразил я.

Мне нравилось шутить со всеми, даже с деспотичным отцом, от чего получил прозвище *Шут гороховый*. Джучи тоже подшучивал, но только с теми, кто младше, чем он.

На другой день, после обеда, мы были у монгольской юрты, конечной на дороге *Хара-Хорин* (Монголия) – *Мухор* (Заволжье).

– Это и есть ад – конец секретной дороги. На другом конце проживает, как ты догадываешься, наш друг хан Угэдэй – можешь к нему поехать, хоть сейчас, – торжественно объявил Джучи.

– А *пароль*?

– *Мора Өг* (дай коня), – ответил Джучи. Раскрывать секрет пользования дорогой ему запрещала мать, но не Чингиз, тот только интересовался, кому и зачем сообщил сын секрет, который заключался в том, что ничего говорить не надо было.

– А попробовать можно? – полюбопытствовал я, поскольку давно мечтал встретиться с *Золотко* в том краю, куда определил его Чингиз.

– *Алий* (валяй). Я подсказывать тебе не буду.

Подошёл к юрте – из неё вышел хозяин.

– *Мора Өг*.

– Твой конь у тебя, – напомнил монгол.

Перепробовал и другие варианты: **Уг мора** (слово коня) и **уг мора** (начало коня), но хозяин юрты на них не реагировал.

– **Мора уу** (напои коня), – попросил я.

Монгол принёс два ведра воды и напоил обоих коней.

– И какой же пароль верный? – лукаво спросил у меня друг.

– Последний – **умора**, – ответил я ему сквозь приступ смеха. Стал понятен розыгрыш: чтобы избежать ответа «твой конь у тебя», надо чтобы конь был у монгола.

Вернулись. Друг сделал запись о поездке, и только потом спросил:

– И зачем ты ко мне пожаловал?

– Твоя маман, требует, чтобы ты ещё раз написал отцу **Фарлаф Хилфа** и передаёт тебе новое письмо, – я протянул письмо от Марии Бортэ, которое предназначалось мне, а не Джучил. Он вскрыл *конверт*, взял бумагу так, чтобы я не подсмотрел и прочитал с выражением:

Овчин как сто Хит

Видел Кит!

(Врущего, как сто пастухов, видел Кит).

В письме было много слов и среди них «овчинка стоит выделки», но друг хотел показать свою значимость, а поэтому прибег к театральной позе.

– Матери я сейчас напишу от себя на *Фарлаф Хилфа*, а ты добавь ответ на её письмо, которое на твоём языке будет «*овчин ка сто ит выдел ки*».

Джучи написал: «**тер** же нилься» (ему же нельзя), а я добавил: *Овчинка не стоит выделки* (врёт, но не так сильно или *глупая затея*).

Доверие, оказанное мне со стороны Джучи в раскрытии способа пользования секретной дорогой и совместное написание ответа Марии Бортэ, требовало ответного доверия:

– Меня послал сюда **Царь Гороховый** с требованием, чтобы я вернулся назад, когда Батыю исполнится 18 лет. Завтра придётся идти во дворец, чтобы продолжить обучение Батыя. Расскажи, чему ты его научил за это время, чтобы мне сориентироваться.

– Идти к нему не надо. За твоё отсутствие порядки сильно изменились. Если кто ему нужен, он вызывает к себе. Ему неизвестно, что моя мать увезла тебя из *тайги*. Но если хочешь, я сообщу ему о тебе при очередной встрече с ним.

– Ни в коем случае! – Я погощу у тебя, сколько разрешишь, и вернусь во Владимир к братьям. Там **Царь Гороховый** пытается их поссорить. Одна попытка ему не удалась – я вмешался.

Рассказал о своей фразе: **Ван Хоер короноо ван замуровал**.

– Так что можешь не упоминать о каменной крепости в Москве – о ней скоро забудут. Ещё меня просили паромщики узнать, когда кончится их Соглашение с **Халимом**.

– Расскажи подробно о паромщиках. Может я смогу ответить за **Кита**.

– Не понимаю, на каком основании ты собираешься заменить отца.

– Ты сначала выполни мою просьбу, – возразил Джучи, – А потом я скажу своё слово.

Подробно изложил ситуацию на переправе через реку Пара. После чего Джучи изложил принцип *оборота денег*, в результате которого накапливаются средства, необходимые для строительства крепости.

–оборотом денег занимался мой отец, богатый арабский принц, у которого моя мать была *наложницей*. Я сын арабского принца, правда, незаконно рожденный. У меня есть *ах* – это твой брат Константин. Он рождён от князя Всеволода, которому Ясская княжна Мария дала титул *Большое Гнездо*. Правильно мою мать надо звать Мария Бортэ, а не *Ясская* княжна...

– Да ты меня не слушаешь, – взглянув на меня сказал Джучи, – О чём задумался?

– Да..., мир тесен, – монгол оказался родственником через Константина, которого каждый из нас считал своим старшим братом: у Константина и меня отец Всеволод, а у Константина и Джучи мать Мария *Бортэ*.

– Родство надо отметить, – на правах старшего заявил Джучи, – дела подождут.

– Хорошо, но если ты тот, за кого себя выдаёшь, то должен знать, что значит: *что б ей пусто было*.

– Что б у неё был *Pustel* – волдырь, – мгновенно ответил Джучи, – страшное проклятие для моей матери.

– *Что б ей пусто было*, – провозгласил я, подняв чашку с самогоном.

Джучи этот тост пропустил.

– Не обижайся – так часто говорил мой батя, а я его чу. Ты обещал сказать своё слово – слушаю.

– Сначала о *Кимах*. Титулом *Ким* пользуются Чингиз и его друг *Хит*.

Сейчас мой отец навсегда уехал к себе в *Манги*. Все свои дела переложил на меня и Хита. Приехав сюда, Хит навестил меня. Несколько раз встречался и с тобой.

– Не может быть! Я бы заметил. Как докажешь?

– *Ким Чингиз* называл твоего младшего брата – Юрий, а *Ким Хит* – *Георгий* (грузин).

– И правда. Так оно и было. Я как то не обратил внимания.

– Так что у меня есть основание ответить паромщикам:

«Пусть они сматывают удочки – крепость с их помощью была построена и теперь в них нет нужды».

– А какую помощь просит твоя мать от твоего отца? – задал я, мучивший меня вопрос.

– А ты читал, её первое письмо? – вопросом на вопрос ответил Джучи.

– Нет. На письме было написано «передать не читая».

– Эта надпись относится и ко мне, – заметил с назиданием друг, – Ответ отца читал: «я женился».

«Однако ты врешь» – отметил про себя я, младший брат – «В письме было: *я же нилься*, с указанием ударения на последнем слог».

– Твой отец успел жениться? – спросил его в упор.

– Не знаю, – сознался друг, – Он обманывал мать, правда, редко. Я ответил: «Он женился», чтобы подействовать на маман – может быть, она всё-таки вернётся к отцу.

– Предлагаю тебе задержаться у меня на 9 лет, до совершеннолетия Бату, – Джучи сменил тему разговора, – Потом поедешь вместе с ним в Москву. Должен же кто-то ему дорогу показать. Здесь никто не знает дороги к славянам.

– Нет проблемы, а чем ты будешь меня *развлекать*?

– Мне нужна помощь в написании летописей, особенно там, где речь идёт о славянах, – заявил старший брат, не отвечая на вопрос младшего.

– Согласен, но сначала ознакомь меня со всем, что ты уже *состряпал*.

– Несу свой *архив*, – радостно крикнул Джучи и побежал в дальний угол своего убежища.

Возвращался он, таща *сундук*, *грубо* сколоченный из *неотёсанных* досок.

– Я все бумаги складываю в свой *архив*! – гордо заявил летописец, переводя дыхание.

– Ты сколачивал *гроб*? – спросил я с издёвкой.

– Сделай лучше, если можешь, – предложил летописец, задетый словом *гроб* (грубо).

– *Грубиян*, сделаю тебе гроб, но для этого *сниму* с тебя мерку.

Пошарив в хламе хозяина, отыскал длинные *рейки* и изготовил мерки по росту, ширине и толщине летописца. За неделю работы я не только сколотил отличный гроб, но и подвесил его на верёвках к потолку, чтобы легко было убирать архив в угол жилища.

На демонстрации изделия я сидел в гробу, старший брат раскачивал качалку, а младший громко читал черновик летописи своего друга, матюгаясь в местах явного вранья.

– В гробу я буду ежедневно *летать* – это будет моим *развлечением*. Жаль, что нет нашей любимой *ведьмы* – ей бы понравилось это *развлечение*. Ты как думаешь?

– Угуль растит моих трёх сыновей в тайге, где мы были с тобой на правах её рабов. Сейчас там становится ей жарко, и она собирается спрятаться вместе со своим народом в далёкой знойной пустыне, чтобы скрыться с глаз вездесущего Батыя, которому доложили, что она знает тайну гибели его матери, – Джучи поделился своими секретами.

– Ничего, ведьмы живут и в пустыне, – холодно заметил, давая знать, что для меня Угуль-Гаймиш-Людмила умерла – и о ней нет желания говорить.

Чуть больше года мы работали над художественной летописью своего века. Были расписаны отдельные эпизоды наших совместных деяний. Все действующие лица имели псевдонимы:

Чингиз – *Колдун*,

Поп Иван – *Царь*,

Субдэй – *Толуй* (Холуй),

Я – *Руслан*,

Угуль – *Людмила* и *Русалка*,

Джучи – *Черномор*, *Леший* и *Фарлаф*.

Места совершения подвигов: Киев, *Лукоморье*, *сад* и др.

Но запланированную на 9 лет работу пришлось прервать – в середине 1219 года пришла страшная весть – скоропостижно умер Константин.

По следам конспиративной деятельности

Конспирация в произведениях Н.В.Гоголя появилась сразу после его конспиративной поездки в 1829 году – двухмесячное плавание на корабле. Это был первый выезд писателя за границу, но о содержании своей поездки Николай

Васильевич никому не сообщил. О самом факте он сообщал, а о содержании – нет. Но и упоминания об этом путешествии изобилуют намёками и противоречиями.

В письме матери от 22 мая 1829 года писатель сообщает:

«Мои надежды (разумеется малая часть оных) не выполнены; хорошо же, что я не вдавался уверительно им, хорошо, что я имею достаточный запас сомнения во всём могущем случиться. Всё состояло в следующем: мои небольшие способности были призрены, и мне предоставлялся прекраснейший случай ехать в чужие края. Это путешествие, сопряжённое обыкновенно с величайшими издержками, мне ничего не стоило, всё бы за меня было заплачено, и малейшие нужды во время пути должны были быть удовлетворяемы. Но вообразите моё несчастье, нужно же этому случиться. Великодушный друг мой, доставлявший мне всё это, скоропостижно умер, его намерения и мои предположения лопнули. И я теперь испытываю величайший яд горечи, но она не от неудачи, а оттого, что я имел одно существо, к которому истинно привязался было навсегда, и небу угодно было лишить меня его».

Казалось бы «прекраснейший случай» ускользнул, но в одном из писем Н.В. Гоголь упоминает об утомительном двухмесячном плавании летом 1829 года, при котором он на берегу был всего 4 дня. Спрашивается *где? и с кем?* После смерти писателя были опубликованы его неопубликованные записи, в которых сказано, что он посетил Любек, Травемюнде и Гамбург. Но, скорее всего, действительная цель поездки не названа.

Писателя должны были свозить в город Киль – место рождения Марии, матери монгола Джучи. Основанием такого предположения служит исторический рассказ Н.В. Гоголя, в котором есть описание старого полуразрушенного дома и возможных обитателей дома в средние века.

В течение плавания писатель усваивал методы конспиративной работы, вёл жаркие политические споры с майором (так пока назовём «великодушного друга»), отстаивая основы крепостного права, и соглашаясь лишь на критику отдельных недостатков российской действительности и её одиозных личностей. Майор умер для Н.В. Гоголя не в буквальном, а в переносном смысле, поскольку оба компаньона не сошлись характерами, что косвенно указано в процитированном отрывке из письма к матери.

Рукописи Джучи, и их перевод майором на русский язык, были переданы Н.В. Гоголю А.С. Пушкиным в посылке через Васильчикову, об этом написал Н.В. Гоголь в своём первом письме А.С. Пушкину от 16 августа (год не указан). Н.В. Гоголь писал письма под копирку и на копиях конспиративных писем год не проставлял, либо писал другой. Так что, скорее всего, это было сразу же после плавания. А.С. Пушкин старался поскорее избавиться от опасного археологического клада, а Н.В. Гоголь не спешил знакомиться с мифами, поскольку считал их побасёнками не стоящими внимания, но согласился в них разобраться и обнародовать в своём изложении – его будущий труд был щедро оплачен:

«... Если же посылка ваша может немножко подождать, то вы можете её отдать Васильчиковой, которой я сказал...заслать за нею к вам, и тогда она будет доставлена в мои руки...». Далее в письме сообщается: «Здесь я узнал большую глупость моего корреспондента. Он, получивши на имя моё деньги..., послал их таки ко мне на имя ваше в Царское Село вместе с письмом..., начну писать через

3 дня...». Глупость или нет, но *бесценные рукописи и деньги за работу над ними*, Н.В. Гоголь получил от майора через А.С. Пушкина.

Сам поэт предпринимает поездку Калмыкию и затем, скорее всего для отвода глаз, в действующую в Закавказье русскую армию. Он специально зашёл в кибитку калмыка, где обнаружил калмыка, не понимавшего русского языка, и его взрослую дочь, знавшую дюжину русских слов.

В поездке через Кавказ поэт пишет стихотворение *Калмычке* – черновик этого стихотворения он предъявил один раз как официальный пропуск (за неимением настоящего?) неграмотному чиновнику. Вполне резонно предположить, что поэт посветил свой стих именно той калмычке, с которой он беседовал в кибитке её отца. А вот чем окончилась эта беседа, узнаем в следующем разделе.

Сотрудничество Н.В. Гоголя с майором продолжалось до 1834 года, до момента, когда майор сообщил писателю, что его лишили носа, но он не может сообщить переносное значение слова нос, дабы не навредить дорогим ему людям. Так должно было быть, поскольку носом майор называл шерсть, ввозимую им контрабандно под маркой английской шерсти. Контрабандист был на государственной службе, и его чин не позволял заниматься даже мелким бизнесом. Майор попросил писателя опубликовать принесённое им сочинение (вторая часть повести Нос). Однако через некоторое время он сообщил, что всё разрешилось благополучно и публиковать не обязательно (третья часть повести). Не зная, что делать, Н.В. Гоголь отправился сначала на службу майора, а потом в редакцию Арабески, конспиративным хозяином которой был майор. И там и там ему сообщили, что начальник (шеф) исчез, и о его местонахождении никто не знает, но выводы пока делать рано – такое уже случалось. Пришлось писателя ехать к А.С. Пушкину.

После прочтения повести *Нос* и выслушивания ответов Н.В. Гоголя, поэт должен был предложить план совместных действий:

– Уверяю тебя, что история с носом – очень серьёзное и опасное дело. Почему – не могу сказать, но сейчас публиковать повесть нельзя. Надо выдержать годика три – ситуация у майора может измениться. Повесть я переработаю, так чтобы её пропустила цензура и припечатаю к ней введение, в котором сниму с тебя ответственность за её опубликование. Через 3 года, я сообщу, что тебе надлежит сделать, а сейчас продолжай выполнять свои обязательства перед майором. Может он за это время даст о себе знать.

Цензура упоминается на основании переписки классиков. Н.В. Гоголь соглашался выполнить все придирки цензора, которые касались двух мест в повести.

Только после такого разговора с поэтом, Н.В. Гоголь понял, что у него находятся, не какие-то побасёнки, как он их назвал, а очень ценные рукописные документы, и ему доверено разобраться и оживить их для потомков. Об этом он заявил с присущей ему страстью в пьесе «Театральный разъезд после представления новой комедии» (1836 г), не предназначенной для постановки:

«Побасёнки!.. Но мир задремал бы без таких побасёнок, обмелела бы жизнь, плесенью и тиной покрылись бы души.

Побасёнки!.. О да придут же вечно святы в потомстве имена благосклонно внимавших таким побасёнкам: чудный перст проведения был неотлучно над главами творцов их.

Бодрей же в путь! И да не смутится душа от осуждений, но да примет благодарно указанья недостатков, не омрачаясь даже и тогда, если бы отказали ей в высоких достижениях и в святой любви к человечеству! Мир – как водоворот: движутся в нём вечно мненья и толки; но всё перемалывает время. Как шелуха, слетают ложные и, как твёрдые зёрна, остаются недвижные истины. Что признавалось пустым, может явиться потом вооружённое строгим значением. ... и гремит дружным рукоплесканьем благодарный гимн тому, которого уже *пятьсот лет*, как нет на свете. Слышат ли это в могиле истлевшие его кости? Отзывается ли душа его, терпевшая суровое горе жизни? Побасёнки!..»

Даже здесь присутствует конспирация. Пять веков назад от девятнадцатого века был четырнадцатый век, когда Историю России стали описывать, в достаточной степени, объективно. А вот XIII век был и остаётся для историков загадкой. Историю XIII века Н.В. Гоголь не только изучал, но и читал о них лекции, и писал научные статьи. Следовало написать *«которого уже шестьсот лет, как нет на свете»*.

Эта пьеса предназначалась исключительно для майора. Писатель заявил о своём новом отношении к рукописным сочинениям великого монгола, жившего за 6 столетий до него. А.С. Пушкин, скорее всего, вообще не читал эту скучную пьесу.

*Анализируя письма Н.В. Гоголя, и автобиографические конспиративные повести Портрет и Записки сумасшедшего, можно заключить, что Н.В. Гоголь встречался с майором редко, иногда писал тому в Одессу на имя В.И.Белого, а все деловые встречи происходили за рубежом, в одной из гостиниц немецкого города Ахен, принадлежавшей майору. Об этом упоминается в письме писателя своим сёстрам, есть там и шарж на хозяина гостиницы. Из близких майору людей, писатель знал лишь дочь **Бэлу**, помогавшую отцу в его частых переездах.*

*В рассматриваемый период писатель приступает к работе над романом «Мёртвые души» и пишет повести Портрет и Записки сумасшедшего. Первая повесть о богатом старце (майоре). Вторая – для майора, поскольку в ней есть места, понятные, в то время, исключительно Н.В. Гоголю и майору. Например, содержание писем собачки Мэджи своей подружке. Слово **Мэджи** – ласкательная форма от монгольского - **мэджээ**. Оно говорит о том, что не только майор, но и его дочь Бэла, понимали монгольскую речь.*

В 1836 году А.С. Пушкин издаёт повесть **Нос**, в предисловии к которой пишет: «Н.В. Гоголь долго не соглашался на печатание этой шутки, но мы ...уговорили его позволить нам поделиться с публикой удовольствием, которое доставила нам его рукопись». *А.С. Пушкин к этому времени разузнал, какой конкретно статский советник присвоил себе нос майора, и он трижды пишет о нём в оскорбительном тоне: «для этого человека ничего не было священного, и он мог также солгать и в этом случае, как солгал, уверяя, что никогда не виделся с ним»; «этот плут и мошенник, который поступил уже при первой встрече таким бессовестным образом»; «я прошу только припечатать, что тот, кто ко мне этого подлеца представит...». Что должно было последовать за этим, для поэта не было секретом, и он сообщает Н.В. Гоголю о необходимости: эмигрировать из России и не появляться до лучшего времени. За рубежом работать над «Мёртвыми душами», хранить древние рукописи и отдать их только майору.*

Н.В. Гоголь чувствовал надвигающуюся беду над головой А.С. Пушкина и в Портрете об этом предупреждает князя Р. Князя П., если букву «Р» читать по-

французски. Вначале он пишет о французе Данте: «Из среды тогдашнего аристократства скоро обратил на себя глаза юноша лучшей фамилии, отличавшийся уже в молодых годах на государственном поприще, жаркий почитатель всего истинного, возвышенного, ... Скоро он был достойно отличен самой государыней, вверившей ему значительное место, ... обратился к известному ростовщику. Сделавши значительный заем у него, этот человек в непродолжительное время изменился совершенно.... Он сделался подозрительным до такой степени, что...стал сочинять ужасные, несправедливые доносы,...Само собой разумеется, что такие поступки не могли не достигнуть наконец престола..., между тем, как Дант не мог найти угла в своей республиканской родине;... Обманувший доверенность вельможа был наказан примерно и отстранён от места. Но наказание гораздо ужаснейшее читал он на лицах своих соотечественников, ... и в припадках страшного безумия и бешенства прервалась его жизнь».

Затем пишет о некоей красавице и князе Р. «Всё, казалось в ней соединилось: богатство, ум и душевная прелесть. Искателей была толпа, и в числе их замечательнее всех был князь Р. ...Князь Р. был влюблён страстно и безумно; такая же пламенная любовь была ему ответом. ... Пламенные женщины начертывали заранее то райское блаженство, которым будут наслаждаться молодые супруги. Но вышло всё иначе. В один год произошла страшная перемена в муже... Он стал тираном и мучителем жены своей и, ...прибегнул к самым бесчеловечным поступкам, даже побоям... Она первая заговорила о разводе... – и в ужаснейших муках окончил жизнь».

В процитированных отрывках из *Портрета* конспиративными являются слова *Дант* (Дантес), *князь Р.* (А.С. Пушкин не был князем) и *в ужаснейших муках окончил жизнь* (до дуэли оставалось несколько месяцев).

Намёки были настолько прозрачными, что редакция *Арабесок* поместила в «ПРИЛОЖЕНИЯХ» свой вариант «Портрета», без вышеприведённого текста. Без сомнения, А.С. Пушкин должен был отреагировать на предупреждение. Н.В. Гоголя, опубликованное до дуэли с Дантесом. *Но об этом ничего не известно* – конспирация.

Сдав в печать повесть «Мёртвые души», писатель решил, что свои обязательства перед стариком он выполнил, и надо решать вопрос о прекращении сотрудничества или о его продолжении. А главное, нужно вернуть майору портфель с бумагами. Шли годы, а майор не объявлялся. Наконец (*в 1849 году?*) Н.В. Гоголь пишет письмо в Одессу В.И.Белому письмо, но не получает ответа. Потом начались очень странные, *необъяснимые*, поступки Н.В.Гоголя.

В начале февраля 1852 года Гоголь вручил графу А. Толстому портфель с рукописями для передачи митрополиту Московскому, но граф отказался от этого поручения, чтобы не усугубить Н.В. Гоголя в мрачных мыслях. Писатель перестал выезжать из дому. В 3 часа ночи с понедельника на вторник 11—12 (23—24) февраля 1852 года, Н.В. Гоголь разбудил слугу Семёна, велел ему открыть печные задвижки и принести из шкафа портфель. Вынув из него связку тетрадей, писатель положил их в камин и сжёг их. Наутро, он рассказал графу А. Толстому, что хотел сжечь только некоторые вещи, заранее на то приготовленные, а сжёг всё под влиянием злого духа. Н.В. Гоголь, соблюдая пост, прекратил приём любой пищи и стал готовиться к смерти.

Развёрнутая хронология событий

1216 - 1219 гг. Джучи решает вопрос, кем ему быть в Истории.

По желанию Джучи, восьмилетний хан Батый назначает его летописцем. К описанию своих и совместных подвигов подключается **Шут Гороховый** (Борис). Он делает **гроб** для хранения записей, которым заменяет **грубо** сколоченный ящик Джучи.

1221-1223 гг. Джучи описывает подвиги хана Субдэя, отца Батыя.

В 1223 году к Джучи неожиданно явился Бату с вопросом, почему отец не заехал повидаться с сыном. Монгол, как мог, стал оправдывать хана Субдэя. Но молодой хан перебил:

– Не выгораживай своего друга – за 9 лет разлуки хан **Угэдэй** не написал тебе ни одного письма, а все истории о походах Угэдэя тебе рассказывали покупатели соли из озера Эльтон. Чем красивее рассказ, тем дешевле им обходились покупки – так мне доложили мои слуги.

– Раз ты всё знаешь, так зачем ко мне пожаловал, – поинтересовался летописец.

– Не нужен мне такой отец как хан Субдэй, или Угэдэй. Моим отцом будешь ты, Джучи.

– Я давно считаю тебя своим сыном, а теперь все, кто прочтёт мои бумаги, будут считать меня твоим отцом, – обрадовано заявил новоявленный отец.

Теперь у него стало 4 сына: Батый и тройня мальчиков, которых родила его жена Угуль-Гаймиш от Бориса – тот не претендовал на отцовство. Поскольку, по правде говоря, детей у Джучи было ровно ноль, то, соединив четыре и ноль, он получил число 40.

«Таким числом сыновей можно удивить потомков», – решил летописец.

1224г. Чингиз, отец Джучи, требует прекратить писанину.

В апреле 1224 года Чингиз прибыл в **Сарай Шык** к своему приёмному сыну Джучи. Время прибытия было выбрано с расчётом появления Западных **татар**, уклонившихся от сражения с Волжскими булгарами. Он рассчитывал, что Джучи соберет много информации о военном походе своего друга, и эта информация должна склонить сына на сотрудничество с отцом.

– О чём говорят люди на улицах города? – с порога спросил Чингиз после должного приветствия.

– Что надо сначала попить чаю, а потом начинать беседу, – заметил сын, наливая себе и гостю **сутэцай** (чай с молоком).

– Необычный вкус, – заметил отец, – Откуда чай?

– **Энэ хатаан Иван-цай ногоон өвс цэцэг** (это засушенные цветы травы *иван-чая*), – ответил сын, – Собрал прошлым летом у горьких источников вблизи Сайхина – бывшей ставки Попа Ивана. Место мне показал старый слуга из дворца – он там её собирал ещё при жизни старого князя. Я назвал эту траву Иван-чаем в честь Попа Ивана.

– Очень ароматный чай. Я от тебя поеду в гости к Борису. Не осталось ли у тебя немного Иван-чая для твоего друга от нас в подарок?

- Насушил много – до нового *сбора* хватит. Бери, сколько увезёшь – для друга не жалко.
- Какие новости передать Борису от тебя, – спросил отец.
- Передавать ничего не надо. Я пишу **Алтан дэвтэр**, в которой записываю всё, что вижу и слышу. Пусть Борис приезжает и подсоединяется ко мне, – заявил Джучи.
- Мне нужно содействие в одном, важном для меня деле, – приступил Чингиз к своей миссии, – Могу я на тебя рассчитывать?
- **Тийм** (да), – просто ответил сын.
- Надо до 18-летия Батыя отправить его по секретной дороге к своему отцу, чтобы он сказал хану *Угэдэю*: «Когда мне исполнится 27 лет, я смогу командовать людьми, и ты это знаешь. В 27 лет я дам тебе команду начать завоевание *Китая*».
- Папа, по *Золотой книге* хан Угэдэй уже начал военные действия. Об этом я успел рассказать Батыю. Что мне делать? – с пафосом воскликнул Джучи, – Я не хочу больше врать!
- Чтобы больше не врать – надо больше не писать, – парировал отец.
- Разреши мне хотя бы переписать черновики *набело*.
- **Цаас тэвчнэ** (бумага всё стерпит), – пробурчал Чингиз.

1225 г. Джучи перерабатывает черновики и создаёт Золотую Книгу.

До весны 1225 года Джучи перерабатывал черновик своих Летописей и написал чистовик, который назвал **Алтан Дэвтэр** (Золотая Тетрадь). Переплёл листы – получилась книга. Определил для неё место – *гроб*; а черновики, письма, записки, копии отправленных писем; сложил в сундук.

1226 г. Сын выполняет обещание, данное отцу.

Джучи отправляет Батыя в *Хара-Хорин* к хану Субдэю, перечёркивая, таким образом, все свои планы на будущее, связанные с походом Батыя на Москву. Покинутый всеми, он не видит никакой перспективы, пьёт, живёт впроголодь, не запасается топливом, и однажды, скорее всего в новогоднюю ночь, летописец ложится в гроб на свою Золотую Книгу и не просыпается – замерзает. Прибывает **Гидеон**, доверенное лицо татарки Угуль-Гаймиш, жены монгола, чтобы забрать *Золотую Книгу* и другие записи покойника. По монгольскому обычаю сжигает труп Джучи.

После переноса ханом Батыем своей ставки из Сарай Шыка в Сарай-на-Волге в 1140г, **Гидеон** посещает пришедшую в упадок бывшую столицу татарского ханства. Заходит в опустевшее жилище Джучи. Находит сундук и складывает в него привезённые с собой рукописи, которые до этого он хранил у себя. Сундук закапывает, а жилище подвергает погрому, чтобы оно не бросалось в глаза любопытным.

В 1153 году погибает Угуль-Гаймиш. Гидеон выкапывает сундук и добавляет туда записи своей повелительницы о подвигах любовника Бориса (Руслана). Сундук закапывает, а место захоронения обозначает белым кругом – для потомков.

1717 г. Рукописи монгола Джучи становятся собственностью Российской империи.

Сундук, закопанный Гидеоном (князем Гвидоном), пролежал до конца XVII века, когда яицкие казаки, осваивая земли по реке Урал, наткнулись на полуразрушенную постройку мрачного вида. Суеверный страх наводил гроб со сдвинутой крышкой и белый круг на полу. В народе родилась страшная сказка о человеке, чертившим мелом по ночам круг, спасаясь от ведьмы. Однако нашлись и такие казаки, которые решили, что кто-то закопал клад, а гроб стоит для отпугивания любопытных. Такое предположение имело основание. Казаки знали, что по реке Яик стояла когда-то богатая ставка Батыя, которую разграбил жестокий Тамерлан. Но не всё же он забрал с собой – кто-то мог найти и спрятать драгоценности. Первопроходцы первым делом изучали окрестности на наличие необычных сооружений.

Мрачную постройку с гробом и белым кругом приняли за заброшенную церковь, которой воспользовался кладозарыватель. Сундук был извлечён, но вместо драгоценностей там лежали бумаги, написанные на непонятном языке, хотя буквы были русские. На сходе решили бумаги отдать тому, кто передаст их Государю Петру I.

Вскоре такой случай представился. В феврале 1717 года Александр Бекович Черкасский (до принятия христианства Девлет-Гирей-мурза) во главе пяти тысячного войска, по приказу Петра I, выступил из Астрахани на Хиву, по дороге пополнив своё войско яицкими казаками. Они показали несколько бумаг из найденного тайника. Бумаги настолько заинтересовали Бековича, что он обещал передать их в руки Государя после завершения похода. Своё решение он подкрепил Охранной Грамотой, объявив найденные бумаги собственностью Российской империи.

Казаки долго ждали возвращения Бековича, пока домой из Хивинского плена не вернулся яицкий казак Ахмет, поведавший миру о трагической судьбе Бековича и его пяти тысячного войска.

Молва о старинных бумагах и об Охранной Грамоте долго бродила по Заволжским Прикаспийским степям, но не находила выхода, поскольку этот регион выпал из поля зрения российской политики сразу же после смерти Петра I.

1797г. Старинными бумагами овладевает молодой татарский князь.

С приходом к власти Екатерины II, Российскую империю захлестнула лихорадка «услужить царице», разумеется, за привилегии, которыми Екатерина щедро одаривала услужливых людей и персонально и отдельные слои общества и целые народы, пожелавшие служить царице верой и правдой. Молодой татарский князь, проживавший в некогда знаменитом Улусе Джучи, был наслышан о бумажном кладе и Грамоте Бековича и решил проверить, реализовал ли кто шанс, лично преподнести щедрой царице исторические документы, предназначенные Петру I. Прибыв к яицким казакам, он узнал, что желающих приобрести бумажный клад было много – хоть пруд пруди. И деньги предлагали солидные, но только вкупе с Грамотой. А Грамота за 70 лет куда-то пропала. Все казаки, даже неграмотные хотели поддержать её у себя. Грамота погостила в каждой хате и не один раз. Старый атаман умер, а новый решил Грамоту держать у себя. Вот только Грамоты ни у кого не оказалось – пропала она.

Молодой татарский князь попросил казаков ещё раз поискать Грамоту, пообещав солидное вознаграждение тому, у кого она обнаружится. А чтобы

поиски были активными, выставил добровольцам богатое угощение. За богатое угощение князю отдали все бумаги, а Грамоту не нашли – она действительно пропала.

Увезя к себе исторические бумаги, татарский князь внимательно осмотрел, каждый листок. Выписал все слова, понятные ему, на отдельный листок и сделал вывод: на монгольском языке русскими буквами писал монгол Джучи. Много слов явно русских, меньше немецких, ещё меньше татарских. Смысл написанного понять невозможно – надо знать монгольский язык. После недолгих раздумий молодой человек принял решение – ехать в Монголию и там выучить редкий язык.

Далёкая Монголия считалась захолустьем и не привлекала ни чиновников, желавших, быстро подняться по служебной лестнице, ни деловых людей, нуждавшихся в поддержке чиновничьего аппарата, а таковой в Монголии отсутствовал.

Что ещё двигало молодым князем, кроме желания прочесть и понять исторические документы? Будучи татаринном, он хотел познакомиться с потомками Чингисхана – предводителя «татаро - монголов», жившего более 600 лет назад. Его интересовало, какое общество оставил после себя великий завоеватель: что сохранилось у монгол от **восточных татар**, сложно ли освоить монгольский язык. Был и деловой интерес: чем теперь занимаются в Монголии, и нельзя ли перенять у них какое-нибудь прибыльное дело – карьера чиновника его не привлекала.

Общественное устройство Монголии поражало своей примитивностью и первобытностью. По мере усвоения монгольского языка, менялся взгляд на монгольское кочевье. Порядки оказались не примитивными, а целесообразными; и не первобытными, а мудрёными (непонятными).

Монгольские кочевники оказались очень дружелюбными и предложили князю способ быстрого обогащения. Он закупил полдюжины породистых овец мериносов (теhr-и-ноос), чтобы доставить их на свою родину и там заняться производством шерсти (ноос/нос). В этой поездке будущий предприниматель всё свободное время потратил на длительные беседы - расспросы аратов относительно премудростей скотоводства и на практику стрижки своих мериносов и выработки своего носа.

Татарский князь не стал возвращаться на реку Урал (Яик), а перебрался в северное Закавказье, более подходящее для овцеводства. Этот выбор не был случайным – в бумагах, которые он прочитал, часто упоминался Кавказ и река Кума. Так князь стал выходцем с Кавказа. Россия вела войну на Кавказе и князья, не поддерживавшие черкесов, мирные князья, не облагались налогами и имели различные привилегии.

1810(?) – 1819(?)гг. Становление конспиратора.

Татарский князь намечает мероприятия по обустройству своего общественного места в Российской Империи – уже исполнилось 54 года, и пора было остепениться: жениться, накопить денег, войти в круг деловых людей Одессы и Санкт-Петербурга, близких ему по духу и состоянию, заняться политической деятельностью.

Князь женился, и пошли дети - погодки: дочь, затем снова дочь, которую он назвал Бэлой и, наконец, сын, его он назвал татарским именем Азамат (Доблестный). Производство носа (шерсти) оказалось золотой жилой, и

татарский князь стал богатеть. Настриг вывозился к Чёрному морю, грузился на корабли, и как заморский товар доставлялся в Одессу. В городской Думе у князя появился знакомый, который способствовал, чтобы высококачественный товар закупался для нужд военной и гражданской аристократии Санкт-Петербурга. В самой столице татарский князь тоже завёл знакомства, необходимые для устойчивого бизнеса, а также поступил на гражданскую службу и получил чин, дозволенный для выходца с Кавказа.

Накопив деньги, он решил их пустить на благородное дело – дать жизнь тем историческим событиям, которые описаны в его бумажном кладе. Для начала князь совершил поездку в те города, название которых встречались в бумагах Джучи: Константинополь, Флоренция и Киль. В этих городах отыскивались различные следы деятелей XIII века. Так в музее Константинополя обнаружилась записка написанная рукой Чингисхана. В музее Флоренции – Планисфера Тосканелли. И сюжеты, нарисованные на ней, и имя автора (Тосканелли с монгольского – Ничтожество!) ошеломили князя. Казалось автор Планисферы сообщает далёким потомкам что-то очень важное, что он о чём-то предупреждает их. Татарский князь, как мог, перерисовал Планисферу, включая страшного зверя похожего на ископаемого дикого кабана, который упоминался в бумагах Джучи, и портрет человека с палкой, скорее всего автора этой планисферы. А в Киле нашёлся дом, в котором, по сведениям, почерпнутым князем из записей Джучи, проживала Мария Бортэ. Поколесил по Европе, пока позволяли средства, в поисках других следов. В Берлине его заинтересовали сказки братьев Гримм, некоторые из них имели много общего с его бумагами из сундука Джучи, и он купил оба тома, содержавших более 150 сказок.

Со времён Екатерины в России функционировало множество разнообразных тайных обществ. И татарскому князю не составило труда организовать в Санкт-Петербурге тайное общество единомышленников. Он приобрёл квартиру для политических бесед, которую превратил в департамент. Для своего окружения князь стал майором.

Перспектива беспокойной, замкнутой жизни не устроило жену, и она предпочла не покидать Кавказ. Из детей только шестилетняя Бэла захотела сопровождать отца во всех его путешествиях.

1820(?) – 1829гг. Бумаги гостят у А.С. Пушкина

Князь решает поделиться своими бумагами с А.С. Пушкиным. К бумагам он присоединяет свою копию Планисферы и сделанный им перевод древних бумаг на русский язык.

Через месяц татарский князь явился к А.С. Пушкину, чтобы узнать решение поэта. Тот сказал:

– Я думаю, что это куски татаро-монгольской легенды, по ним я могу написать небольшую поэму.

– Татары и монголы разный народ и у них нет общей истории, – возразил татарский князь, – Татары белолицы, как я, и всегда вели оседлый образ жизни, как славяне. Язык относится к тюркской группе, поэтому мне не сложно было перебраться в Закавказье и наладить общение с горцами. Монголы смуглы и ведут кочевой образ жизни, как цыгане. Чтобы понять монгольский язык, мне пришлось поехать в Монголию. Сейчас я могу изъясняться на этом языке. Я у многих монголов спрашивал, знают ли они что-нибудь о татарах, о русских и о

людях, упомянутых в моих бумагах. О русских знают, а о татарах – нет. Из всех названных имён каждому монголу известен Чингиз, некоторые знают хана Угэдэя. Ещё узнал, что у хана Угэдэя не монгольское имя. Наш предок хан Бату, а, по-вашему, Батый, – татарин. О нём в Монголии ничего не знают, но в Монголии много людей с именем Бат.

– А есть ли в России народы, родственные монголам.

– Да. Это буряты – соседи монголов и калмыки, которые считают себя хальмгами – так по-монгольски звучит татарское слово калмык. Калмыки кочевой народ, они хоть и живут далеко от Монголии, но язык у них сродни монгольскому, религия тоже – ламаизм.

– Каждый народ имеет свою историю. Принять ваши бумаги за летопись я не могу – они противоречат славянским летописям. Как славянские сказания – пожалуй, тем более что встречаются русские слова и имена.

– Как вы назовёте поэму?

– Руслан и Людмила. Такие персонажи есть в сказаниях южных губерний России. Поэты часто используют в своей работе материал народного творчества, то есть легенды, созданные кем-то в далёком прошлом и многократно пересказанные и переиначенные. А ваши легенды, записанные их создателем 600 лет назад, избежали пересказов. В них гораздо больше конкретных исторических деятелей. Местом действия можно считать дворец, изображённый на Планисфере Тосканелли, скорее всего в нём жил тот, кто написал и закопал эти бумаги. Руслан по вашим бумагам был киевским князем – на Планисфере на нём княжеская шапка, а прямой линией показано место княжения. В саду, изображённом на вашем рисунке, Черномор прятал Людмилу, но это моя фантазия. Ваши бумаги – кладёшь первосортных творений неизвестного былинщика.

– Вы правы, что у меня оказался первоисточник, как вы выражаетесь, былин, по ним германские народы составили сказки, которые передавались из поколения в поколения. Я купил 2 тома сказок Братьев Гримм – можете сравнить несколько сказок с моим первоисточником, – и князь выложил на стол две книги на немецком языке.

– Очень любопытно. Я обязательно их прочту. Давайте встретимся сразу после опубликования поэмы Руслан и Людмила – я поделюсь гонораром, и мы подумаем о других историях в ваших бумагах.

– Последнее предложение принимаю, а насчёт денег – нет. Я достаточно богат.

– Если так, то я постараюсь найти вам бедного, но талантливого писателя, думаю, вы сможете его убедить, о чём писать и как писать – у вас есть дар, убеждать в своей правоте.

– Вы мне льстите насчёт моего дара. В таком деле более важен авторитет, чем дар убеждения. Могу я заявить вашему протезе, что один сюжет заказан А.С. Пушкиным.

– Почему так мало?

– Нет, нет. Только один. Одной ссылки на вас будет достаточно...

Поэма Руслан и Людмила вышла в свет в 1820 году и имела ошеломляющий успех. Поэт Жуковский поздравил А.С. Пушкина с успехом, обратившись к своему ученику как к состоявшемуся поэту.

При второй встрече, татарский князь, поздравил А.С. Пушкина с выходом поэмы, но заметил:

– *Вами использовано очень мало сюжетов из моих бумаг: нет указания на место, где жил древний летописец, нет русалки на лапнике, нет золотой цепи на царе Поне Иване.*

– *Дело поправимое, – заявил Александр Сергеевич, – Подождите полчаса. Скажите, слово царь монгольское?*

– *Да. Означает что-то величественное, как дуб (царс) среди деревьев.*

Через полчаса А.С. Пушкин читал Предисловие к поэме: «У Лукоморья дуб зелёный, золотая цепь на дубе том ...».

– *А как насчёт бедного писателя?*

– *Им будет Н.В. Гоголь. Я его направлю в ваш департамент. Только не будьте с ним так откровенны, как со мной – осторожность не повредит. Н.В. Гоголь набожен и доверяет попам, – предупредил А.С. Пушкин.*

Поэт, передав богатого князя писателю, не вмешивался в их отношения, ограничившись ролью стороннего наблюдателя. А однажды А.С. Пушкину подвернулся случай, проверить правильно ли он перевёл записку Фарлаф, Хильфа, находившуюся среди бумаг татарского князя.

Со словом **Фарлаф** Мария **Бортэ**, бросившая Чингиза, обратилась к нему, моля о помощи. Она специально ввела в заблуждение сына, который посчитал, что мать пишет **Фарлаф** вместо **Хайрлах** – любовь, занятие любовью (отглагольное существительное).

А.С. Пушкин перевёл исторический документ, в котором было всего два слова **Фарлаф Хилфа**, как «Фарлаф, помощь!». Второе слово было для поэта понятным – Hilfer (помощь), а первое слово он не мог понять и решил, что это имя человека. Горластый **Фарлаф** фигурирует в сказке Руслан и Людмила.

Князь, знакомивший А.С. Пушкина с документом, утверждал, что калмыцкий язык близок к монгольскому, и поэт специально зашёл в кибитку калмыка, где обнаружил калмыка, не понимавшего русского языка, и его взрослую дочь, занятую шитьём портков. Более подробно эту встречу и знакомство с калмыцким чаем, можно найти в описании поездки поэта на Кавказ, в армию, находившуюся в Турции.

«В котле варился чай с бараньим жиром и солью. ... хлебнул, стараясь не перевести духа. Не думаю, чтобы другая народная кухня могла произвести что-нибудь гаже» (А.С. Пушкин: «Путешествие в Арарум во время похода 1829 года»).

А.С. Пушкин сказал молодой калмычке, что едет за границу и добавил:

– **Фарлаф** (заниматься любовью).

Калмычка, услышав заветное слово, бросила шитьё и замерла в ожидании обязательного комментария к этому слову. Насторожился и отец, поскольку могло последовать, с помощью жестов, предложение интимной связи. Поэт, скорее всего, понял, что означает **Фарлаф** на калмыцком языке, но комментировать незнакомое слово он не собирался, а поэтому встал из-за стола и направился к выходу, поблагодарив собеседницу в полголоса:

– **Фарлаф** Hilfer (любовь - помощь).

Но реакция собеседницы оказалась неожиданной.

Калмычка приняла слово **хилфа** (так звучит немецкое Hilfer) за калмыцкое и решила, что столичный гость недоговаривает калмыцкие слова, а значит, он, идя седлать коня, предложил:

– *Файрлаф хил фана* (Любимая – за границу).

Она вспыхнула и вопросительно посмотрела на отца. Тот улыбнулся, одобрительно кивнул головой и сказал пару напутственных слов.

Невеста стала быстро собирать необходимые вещи, а жених, поняв действия возлюбленной, рванул вон из кибитки, желая быстро оседлать коня и скрыться в голой калмыцкой степи. Но, если верить стихотворению *Калмычке*, поэт не сразу сбежал от своей невесты.

Чтобы невеста не вздумала его искать в столице, А.С. Пушкин извинился за своё эгоистическое поведение, опубликовав стихотворение «Калмычке», в котором намекнул на вариант проживания в Калмыкии, что не входило в планы девушки. Калмыки, прочитавшие это стихотворение, успокоили обманутую невесту:

– Поэт пошутил – жизнь в Питере скушная и не интересная. Ты бы не выдержала и неделю. А в Калмыкии столичный человек и дня не проживёт.

1829г. Первая встреча майора с Н.В. Гоголем.

В 1828 году, кто-то из друзей майора заметил:

– Вы тратите большие деньги на интересное для вас дело. Меня прошлое мало волнует, вот если бы речь шла о будущем России, то я бы поделился для этого дела своими скромными доходами.

– А что в будущем России нас больше всего волнует? – майор задал вопрос всему собранию.

«Крепостное право и чиновничий произвол – тормоз в экономическом развитии страны» – было общим мнением богатых предпринимателей.

– Если бы кто-то написал *рыбу* (развёрнутый сюжет) постановки или повести, то я уговорил бы Н.В. Гоголя сделать из них бомбу под порядками крепостного права и под чиновничьим произволом.

– У меня есть приятель, который сочинит всё, что я попрошу, – заявил один из присутствующих.

Через полгода, на очередном Собрании майор получил сюжеты *Ревизора* и *Мёртвых душ*, а также солидную финансовую поддержку.

С началом навигация на Балтийском море в 1829 году, из Санкт-Петербурга отчалил корабль, на борту, которого было всего 2 пассажира: майор и Н.В. Гоголь. Два месяца длилось необычное заграничное плавание, при этом на суше пассажиры были всего 4 дня – в г. *Киль* майор показал дом, в котором, по его мнению, могла жить *Бортэ* – жена Чингисхана.

Обсуждали и древние рукописи. Историю с пропавшей грамотой Н.В. Гоголь объявил розыгрышем казаков, а в действиях Людмилы он нашёл признаки нечистой силы и заявил:

– Она ведьма и летала в гробу, пытаясь попасть внутрь круга, где прятался отпевавший её человек.

– *Вий* (ой)! – воскликнул майор, не ожидавший такого от Людмилы.

– *Вий* – это монгольское слово? Что оно означает? – заинтересовался писатель.

– Нет, – майор решил скрыть свою реакцию на заявление собеседника, – В восточных мифах *Вий* это главарь нечистой силы, на которого не действуют ваши заклинания.

– Хорошее название для страшной сказки, – решил писатель, игнорируя ехидный тон майора.

Несмотря на различие характеров, они подружились к концу двухмесячного плавания, но их позиции не сблизились – каждый остался при своём мнении.

– Я разберусь с историческими событиями XIII века, – заявил писатель при расставании в порту Петербурга, хотя к этому у меня душа и не лежит. Вот если бы какой-нибудь сюжетик о пороках в обществе, тогда бы вы увидели, на что способен ваш покорный слуга.

– В этом *саквояже*, – майор передал Н.В. Гоголю портфель, – находятся сюжеты повести и комедии, последний сюжет предложен А.С. Пушкиным. У него находятся сейчас старинные летописи с моим переводом. Напишите ему письмо с указанием человека, который доставит вам посылку от А.С. Пушкина. Работать с бумагами можно только у себя дома или за границей, предварительно оформив командировку у меня в департаменте; на службу в департамент ходить по своему усмотрению. Ваши взгляды на Историю, на исторические документы и литературные произведения на эти темы, будут незамедлительно опубликованы в сборнике *Арабески*. Это слово я произвёл от *Abrisses* – очерки (истории). Посмотрим, какое значение придадут люди новому слову *арабески* – я уверен, что многие немецкие и монгольские слова в моих бумагах исковерканы впервые и их впоследствии стали считать русскими, придавая им вольное, удобное значение.

– Ко мне обращаться – *старик*. К вам на конспиративную квартиру я буду приходить только в случае крайней нужды.

Прошло 3 года после заключения сделки. Н.В. Гоголь трудился над изучением Истории Средних веков по работам зарубежных историков, переосмысливанием исторических событий под углом собственного мировоззрения и воссозданием «преданий малороссийской старины» в рамках исторических документов. Друзья майора настоятельно просили переключить писателя на современные сюжеты и в первую очередь на *Мёртвые души*.

1831г. Введение кириллицы в монгольское письмо.

К этому времени младшей дочери майора, Бэле, проживавшей с отцом, исполнилось 8 лет.

Со словом *мэджээ* (понял уже), редко употребляемым в обиходе, связано историческое событие 160-летней давности – переходом Монголии со старомонгольской письменности на кириллицу.

Зная неуступчивый характер Н.В. Гоголя, майор решил пойти на хитрость. Он попросил свою дочь Бэлу заинтриговать писателя. Для этого Бэла должна стать *Меджи* (поняла уже), а её подруга – Фидель. Девочкам надлежало обмениваться ежедневно письмами на глазах у Н.В. Гоголя, а при разговоре между собой называть своих отцов по-монгольски *аав аав аав* (папочка).

Ловушка удалась – Н.В. Гоголь решил узнать, что пишет собачонка *Меджи* своей подруге Фидель. Он вошёл в дом, где жила Фидель и на глазах у прислуги завладел связкой писем Меджи к Фидель, а потом убежал к себе, чтобы ознакомиться с содержанием писем. Мотивы своего поступка и содержание записок Бэлы своей подруге, Н.В. Гоголь опубликовал в рассказе «Записки сумасшедшего».

На другой день к писателю прибыл хромой майор и после традиционного приветствия заявил:

– Меня попросили родители Фидель поговорить с Вами, иначе они предадут огласке Ваш поступок – кражу переписки их дочери.

– Старик, у меня не было дурных намерений. Есть три причины, объясняющие моё поведение. Во-первых, Вашу дочь Бэлу почему-то зовут Мэджи – так к ней обращается подруга при обмене записками; во-вторых, они при встрече всегда лают: ав-ав-ав; и, наконец, всё это делается только тогда, когда я нахожусь вблизи. Я сожалею о содеянном, и надеюсь на Ваше снисхождение.

– Нет нужды. Девочки затеяли игру, мне непонятную, а **аав** по-монгольски «папа». Что касается наших с Вами отношений, то я благодарен за Вашу позицию, выбранную Вами 3 года назад, и смею просить о небольшой услуге, в обмен на гарантию быстреего издания книги и финансирования всех затрат по написанию и публикации сочинения.

– Я весь внимания, – ответил благодарный писатель.

– Нужно, чтобы героя «Мёртвых душ» называли *Чичиковым*. У всех помещиков псевдонимы русские, а чуждой персоне надо дать непонятный псевдоним.

– Полностью с Вами согласен, но извольте объяснить смысл прозвища *Чичиков*.

– Слово монгольское, но монголам непонятное. Произведено от **чи** – ты.

– Старик, друг мой, я имел уже возможность утвердиться в твоём отличном знании языка великого Чингисхана. Не мог ли ты написать мне несколько обиходных слов на монгольском языке и слово *Чичиков* тоже.

– Есть небольшая проблема, – ответил майор, – У монгол нет письменности, и я не смогу выполнить твою просьбу.

– А как же Чингисхан? Он тоже был неграмотным? Значит, он о себе не написал ни одной строчки? А все суждения о нём недостоверны?

– Чингисхан владел тюркским письмом. Из более или менее достоверных записок Чингисхана мне известна только одна – видел её в Константинополе, в музее. Она написана на тюркском и на старо-монгольском языке.

– Хорошо. Напиши мне Чичиков на старо-монгольском языке.

– Не смогу, – признался князь, – Все гласные в старо-монгольской письменности обозначаются одинаково и написанное мной слово будет и Чучакыв и Чачукив и прочая.

– Значит, монголы всегда будут не грамотными и у них никогда не будет своих книг, газет и журналов?

– А зачем кочевнику книги, газеты и журналы? – неосторожно заметил князь.

– И это говорит человек – сторонник просвещенной России и защитник монгольских порядков? – возмутился писатель, поборник благодетельства, – Да вам, мил человек, грош цена!

Долго бушевал Н.В.Гоголь, возмущённый высокомерием *старика*. Наконец он успокоился и заявил:

– Старик, я выполню твою просьбу только в том случае, если ты выполнишь моё требование: ты должен поехать в Монголию и самолично обучить монголов письму латынью или кириллицей, в зависимости от того какая лучше подходит к монгольскому языку.

– Чтобы обучить миллион монголов, мне не хватит моей жизни, – возразил майор.

– Давай подсчитаем, – решил разобраться Гоголь, – если за год обучать 1000 человек, то за 9 лет ты обучишь 9 тысяч человек, и по относительно числу

грамотных людей Монголия почти сравняется с Россией. Так что, найди помощника и поезжай делать благодеяние.

– Хорошо, согласился майор, возьму дочь Бэлу, закупим провиант, тетради, карандаши и поедем через Сибирь. По дороге навещу друзей, *каторжан*, – надеюсь, царская охранка не откажет хромоту майору в свидании с мучениками.

Майор хорошо подготовился к миссии учителя и справился с заданием, поставленным Гоголем.

При этом в монгольском языке появилось несколько слов, значение которых позволяет воссоздать процесс обучения монголов грамоте: **цагаан толгой** (седая голова, алфавит), **маргааш** (завтра), а главное **бэл**, имеющее 3 разных значения. В Монголии майора судили за его метод обучения грамоте. Об этом свидетельствует русское слово *шухер*, образованное им от монгольского слова **шүүхэр** (судебным разбирательством, доказательным расследованием).

До прибытия в Монголию князь придумал вступительную фразу: «Я хромой горец. Это Бэла – моя дочь. Мы будем вас учить писать» и перевёл её на монгольский язык. Но вместо **доголон** (хромой) у него прозвучало **дооглон** (смешной) и первое занятие было сорвано.

Тогда создатель монгольского алфавита стал говорить **хормой** вместо **доголон** (хромой). Говорить «хромой» он не мог, потому что по монгольской грамматике в начале слова не должно стоять подряд два согласных звука.

Бэла усаживала всех за стол, каждому выдавала тетрадь и карандаш, а князь показывал свой монгольский алфавит: Аа, Бб, Вв, Гг, д д , Ее, ..., Ии, й, Кк, ..., Оо, Өө, Пп, ..., Уу, Үү, Фф, ..., Щщ, ь, ы, ь, Ээ, Юю, Яя.

Бэла подсаживалась к монголам и водила их руками, обучая писать буквы монгольского алфавита. После часа занятий князь объявлял:

– **Өглө гурван мөр үгүг бүр бичиж ав мэднээ.** (Завтра три строки каждой буквой заполнить. Понятно?).

Иностранцу трудно даётся слово **өглө**, имеющее два значения *завтра* и *утро*. Поэтому хитрый ученик, самый старший в юрте, отвечал за всех:

– **Мэдэхгүй** (непонятно).

Тогда князь выхватывал кинжал и с силой вонзал его в столешницу. От неожиданности непонятливый монгол *моргал* глазами, а Белый приговаривал:

Маргааеш, гэсэн хутгатай мэджээ (моргаешь, *значит с ножом* понял уже).

Через несколько месяцев монголы ввели изменения в свой язык, чтобы новые ученики могли защититься от притязаний назойливого учителя. У **хутгатай** (с ножом) отобрали первую букву и объединили со словом **гэсэн** (значит). Сегодня, чтобы сказать монголу *значит*, надо говорить **гэсэн утгатай**. Чтобы сказать *завтра* – **маргааш**. **Өглө** стало обозначать *утро*. **Уулын хормой** – не *хромой* горец, а *злой* горец. Ввели слово **бэл**, означающее: 1) богатый, 2) злой горец (**уулын хормой**), 3) тот, кто придаёт вертикальное положение похожему на нож.

Теперь речь князя была более понятной, и никто не моргал, когда князь втыкал кинжал в дерево – все ждали, когда гость сделает то, зачем пришёл – придаст незнакомой вещи вертикальное положение.

Но борьба ленивых учеников за право остаться неграмотными на этом не окончилась. Вскоре, они перестали выполнять домашнее задание, а учителю заявляли:

– **Өнодор маргааш биш, маргааш маргааш байна** (сегодня нет завтра, завтра будет завтра).

Попытка, угрозой применения кинжала, воздействовать на монгольских аратов, обернулась судом над иностранцем. Князь **твердо стоял на шухере** и отделался солидным штрафом, в пользу судьбы и пострадавших учеников. При ином судопроизводстве, ему грозила высылка за пределы Монголии.

Вначале араты требовали избавить кочевье от агрессивного гостя, но когда узнали, что **бэл** (богач) готов выплатить компенсацию, то отказались от своего требования, и судья *остановился на шүүх* (монгольский аналог народному суду). Он объявил перерыв для того, чтобы собрались все пострадавшие от **бэла** (злого горца).

Пострадавших оказалось несколько тысяч, и перед судьёй встала проблема, какой штраф назначить **бэлу** и как выплачивать компенсацию. Судья спросил девочку Бэлу:

– **Чиний аав хэдэн мөнгөтөй вэ** (сколько денег у твоего папы?)

– **Дүрван мянган төгрөг** (4 000 тугриков), – без запинки ответила Бэла.

Судья объявил, что 3 тысячи тугриков выплачиваются пострадавшим, а остальное – судебные издержки. Князь тут же отдал судье 1000 тугриков и сказал, чтобы пострадавшие отдали ему назад его тетради, а он за каждую тетрадь с записями уроков выдаст 10 тугриков. Был объявлен второй перерыв.

Монголов, сохранивших тетради оказалось менее трёхсот человек, и остаток от 3 тысяч тугриков князь раздал монгольской детворе. С той поры свою дочь Бэлу, князь иногда называл **Мэджи** (поняла же).

Просветитель решил переключиться на горожан. Он вернулся в столицу Монголии и там продолжил свою миссию, начав с закупки типографского оборудования и приглашения иркутских специалистов. Вскоре в продаже появилась первая монгольская *газета* на новом монгольском письме. Газета называлась **Сонин** (*новости*). В первом номере был опубликован **цагаан толгой** (алфавит) и приведено написание нескольких слов на каждую букву. Нашлись всего два слова на **Щ**: **щит**, с разъяснением, что это *молниеносная доска*, и загадочный **Щедрин**, фигурирующий и сегодня в некоторых монгольских словарях. Последнее слово означает, что алфавит вводил человек – поклонник творчества великого сатирика.

Выросла потребность в людях, которые могли бы читать газету и писать в неё. Дети потянулись в школу. Стали появляться монгольские последователи новой письменности, и открываться школы во всех городах монгольского кочевья. Князь посчитал свою миссию выполненной и через год вернулся на родину, взяв с собой первый номер газеты для отчёта о выполненной миссии.

Араты догадались, что горец скрывает своё имя, и решили: «Если она **Бэла**, то он – **Бэл**». Частично они были правы: **В.И.Белый** – псевдоним, означающий «выбелый», то есть, «седой».

О В.И.Белом можно судить по письму писателя, опубликованному в восьмом томе собрания сочинений под номером 152.

1832.- 1836гг. Майор возвращается из Монголии, но теряет своё дело.

Возвратившись к себе в Закавказье, создатель монгольского алфавита обнаружил, что у него исчезли все запасы **носа** (шерсти). Сынишка Азамат, продал не только весь **нос**, но и будущие настриги овец-**мериносов**. Приехав в

Петербург, князь узнал, что некий статский советник занимается его **носом**, и совершает деловые визиты в нужные дома. Ни беседа в Казанском соборе с высокопоставленным чиновником, ни обращения в полицию и в газету, ни визит в дом, где ждали его как перспективного жениха, не помогли восстановить справедливость, и татарский князь навестил Н.В. Гоголя.

– Я привёз показать Вам первую монгольскую газету **Сонин** (Новости), которую монгольские араты не только читают, но и пишут в неё.

Писатель бегло просмотрел газету и вернул её князю со словами:

– Ты совершили воистину подвиг. Если все богатые люди будут совершать подобные благодеяния, то Россию ждёт великое будущее. Продолжай искать и находить способы творить добро.

– Увы, этот призыв не для моих ушей. За время совершения «подвига» я лишился того, чем я жил, своего *носа*, и теперь я – нищий.

– Старик, тебя ограбили? – участливо спросил Н.В. Гоголь, и в его мозгу вскоре возникнет сюжет повести *Шинель*, с многострадальным чиновником *Акакий* Акакиевичем, прообразом которого, несомненно, был майор: «Итак, в одном департаменте служил один чиновник; чиновник нельзя сказать чтобы очень замечательный, низкого роста, несколько рябоват, несколько рыжеват, несколько даже на вид подслеповат, с небольшой лысиной на лбу, с морщинами по обеим сторонам щёк и цветом лица что называется геморроидальным...».

– Меня лишили *носа* в переносном смысле, – ответил князь, – А без него я никто. В Петербурге, куда бы я ни обращался, повсюду слышал отказ в помощи. Вы моя последняя надежда.

– Расскажи всё подробно, – попросил Н.В. Гоголь сквозь смех, – про *нос* я знаю много анекдотов, но твой звучит очень забавно!

Майор молчал, стиснув зубы. Поняв бестактность своего смеха, писатель извинился:

– Я не знаю переносного смысла слова *нос*, кроме как *остаться с носом*, но тебя, разумеется, лишили какого-то другого *носа*. Прости мою бестактность.

– Вся трудность моего положения в том, что я никому не могу сообщить смысл переносного значения слова *нос*, это навредит дорогим мне людям. Если бы Вы написали, что некий статский советник выдаёт себя за порядочного человека, а на самом деле он плут и подлец, то мой обидчик, – и князь назвал фамилию высокопоставленного чиновника, – поймёт, что ступил на скользкий путь мошенничества, он отдаст мне все бумаги, и мой *нос* вернут мне.

– Но пока, я напишу повесть, и пока её опубликуют, пройдёт больше года.

– Ничего, подожду – время терпит, – ответил майор.

Визитёр ушёл, а писатель стал обдумывать сюжет повести *Нос*. Ночью Н.В. Гоголю приснилась история с носом, оказавшимся в пирожке. Содержание этого сна стало первой частью повести *Нос*.

Через несколько месяцев майор сообщил писателю, что документы ему вернули, но дела с *носом* пока не клеятся, хорошо бы ускорить публикацию *Носа*. Писатель сочинил вторую часть повести. Ещё спустя пару месяцев, князь сообщил, что всё разрешилось само собой, и что на опубликовании повести он не настаивает.

Н.В. Гоголь, закончив повесть в 1833 году, решил показать её *старика*. В Петербурге майора не оказалось, и никто на службе не знал о месте его

пробытия, а по поведению статского советника, обидчика майора, можно было заключить, что мошенник одержал верх.

Печатать или не печатать *Нос*? Писатель решил посоветоваться с А.С. Пушкиным. Тот сразу же забрал рукопись для публикации, дав повести высокую оценку. Н.В. Гоголь слабо возражал.

1836г. Н.В. Гоголь уезжает надолго за рубеж.

Подождав майора ещё полгода, писатель, по совету А.С. Пушкина, выехал за границу писать *Мёртвые Души*. В глубине души была надежда там встретить старика. Но и в гостинице, хозяином которой был майор, ничего вразумительного писателю не сообщили.

Сдав в печать повесть «Мёртвые души», Н.В. Гоголь решил, что свои обязательства перед стариком он выполнил, и надо решать вопрос о прекращении сотрудничества или о его продолжении. А главное, нужно вернуть майору портфель с бумагами. Шли годы, а майор не объявлялся.

1838г. На Кавказе трагически погибает майор (татарский князь).

Майор (татарский князь) не мог встретиться с Гоголем – он погиб ещё в 1838 году на Кавказе. Вскоре мученической смертью умерла и его дочь Бэла. Ей было 16 лет по свидетельству М.Ю. Лермонтова (Княжна Бэла, в книге «Герой нашего времени»).

В ночь с 23 на 24 февраля 1852 г. Н.В. Гоголь сжигает бесценные рукописи.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Словарь выделенных слов.

Аав – папа; **аав аав** – папы; **аав аав аав** – папочка.

Ад(аг) – 1. окончание (дороги); 2. устье.

Алт – золото; **алттай** – с золотом.

Ан – охота (промысел); **анаар** – охотой; **анар** – нечто, добываемое растительным промыслом.

Архи – монгольская водка.

Ах – старший брат.

Бидний газарт явна – пойдём на наше место.

Бортэй (читается **Бортэ**) – с серым (со смуглым).

Бэл – 1. **хөрөнгө** (богач, капиталист), 2. **уулын хормой** (злой горец); 3. **хэт хутгоны босор** (кто чтобы попожому на нож вертикальное положение).

Ван Хоер хороноо Ван замуровал. В Москве в XIII веке начало фразы было понятно, а конец – нет: слово образовано Борисом от «мура». Фраза воспринималась москвичами как «Иван II коронован ...», а монгольскими строителями – «Иван II зло Ивана ...». В результате спора москвичи придали слову «замуровал» смысл *захоронил*, и разобрали Кремль по камешкам в поисках короны.

Вотчина – составное слово: *Вот чи на* (вот тебе на).

Гвардейцы. Говь – Гоби; **ард** – народ.

Герда (Негг-д-аа – для своего господина, то есть для Джучи). Образовано от *Герда* – бог земли у германских племён.

Дө- – приближаться; **дөх** – приближение.

Жуучи л (читается *джучил*) – путешествуй!

Кит – образовано от *Хит*, которым Бортэ и Чингиз нарекли *Ю* (пренебрежительно – *Юг*). **Китай** – страна, где правит *Кит*.

Колдун – от *холдун* (в далеке).

Колония – от *хол-он-ия* (далёкое).

Конь – от *хонь* (баран). Дарёному коню в зубы не смотрят, так как коней на Руси не дарили, а дарёному барану надо посмотреть – стар он или нет.

Кум – от татарского *кум*.

Людмила – составное слово: *людина мила* (малороссийское).

Мандрык – 1. украинская *лепёшка*; 2. составное слово: *Манн дрыг* (дёргающийся человек).

Муухай (читается *муха*) – некрасивый.

Мухар – 1) комольный, куций, 2) тупой, слепой; **мухардал** – тупик,

Мэд- – понимать; **мэджээ** – понял же.

нөхөд – мужья/друзья.

Раб – от *робь* (раб).

Рын Пески – правильно татарское *Урын Песи* (Кошачье Место).

Сайхан – красивый.

Собака. Слово *собака* придумал Борис. Оно состоит из: «с (реки) Об» + суффикс «ак» + монгольское возвратное окончание «аа/а». Литературный перевод – *мой пёс с Оби*.

С Об оль – с Оби!

Сүүтэй цай – чай с молоком (произносится *суте цай*).

Тайгаа – со своим (что-то с чем-то – по умолчанию).

тартарары (от этого русского слова образовано слово *татары*, славяне их называли *таты*, или *супостаты*).

Тосканелли. **Тос-к-ан эль**; **Тос** – *пыль*; **тоска** – *пылинка* (русский суффикс *к*); **тоскаан** – *пылевидное*; **тоскан эль** – *ничтожество*.

Тэр – он.

Үг – слово; **үг үль** – (скажи хоть) слово!

Фарлаф (существительное от *feierlich* – торжественный, праздничный, серьёзный)

Хайрл- – любить (о людях).

Хара-Хорин. **Харах** – смотреть; **хорон** – злое.

Цагаан – белый.

Цар – нечто величественное; **царай** – лицо (личность); **царс** – дуб.

Чи – ты; **чи чи** – вы (множ. число); **ов** – обман. **Чи чи к ов** – все к обману.

Шар – жёлтый.

Шинэл- – обновить (одежду, утварь, постройку и т.п.).

Халим – кит. *Подхалимы* те, кто ходил под *Китом*.

Ю – что.

Ул – сын (татарское); **улус** – от *ул-ус* (от сына).